

Виталий Шаханский

...И это точно...

18+

Виталий Шаханский

...И это точно...

«Автор»

2026

Шаханский В.

...И это точно... / В. Шаханский — «Автор», 2026

В современном Харькове, среди привычного городского шума и новостроек, начинают происходить события, которым невозможно дать рациональное объяснение. На строящейся станции метро «Одесская» реальность словно даёт трещину — фиксируются странные аномалии, а очевидцы говорят о «сбоях» пространства. Виталий Горцев — неожиданно оказывается в эпицентре происходящего. То, что начиналось как локальная загадка, стремительно перерастает в остросюжетный детектив с элементами фантастики и глобальной теории заговора. Чем глубже Виталий погружается в расследование, тем яснее становится: речь идёт не просто о секретном эксперименте, а о вмешательстве в саму ткань реальности. Это динамичная история с философским подтекстом — книга для тех, кто бодрствует в духе и ищет ответы на вопросы об устройстве мира. Роман, в котором город становится порталом, метро — точкой перелома, а один человек — ключом к событиям планетарного масштаба.

© Шаханский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Славный город Харьков	5
Глава 2 Честный омлет и хитрое задание...	13
Глава 3 Управление метрополитена.	18
Глава 4 Ужин так себе...	24
Глава 5 Викронта	30
Глава 6 Я, Янина и метрополитен...	34
Глава 7 Каша маслом	41
Глава 8 Институт им. В.Т. Зайцева	45
Глава 9 Ученье свет, а неучённых тьма...	53
Глава 10 Генеральный директор «Харьковметробуд»	59
Глава 11 Смотрю в книгу... и вижу фигу...	64
Глава 12 И опять удивительный сон...	73
Глава 13 Подземка	78
Глава 14 Этот фантастичный мир...	84
Глава 15 Такие повороты не для моей лошади...	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Виталий Шаханский

...И это точно...

Глава 1 Славный город Харьков

Книга предназначена для людей
бодрствующих в духе...
Все совпадения не случайны...

Определить коренного харьковчанина или же харьковчанку от приезжего было очень просто: харьковчане никак не реагируют на звуки «воздушной тревоги». Холодящие душу звуки сирены на приезжих действовали тревожно: они пугались, суеились, бежали в ближайшую станцию метро... к слову сказать одно из самых лучших метро в Европе...

И да, почему-то забегаю вперед: я прибыл в Харьков ранним утром, когда город ещё не успел окончательно стряхнуть с себя остатки сна. Моя служебная командировка, естественно замаскированная нашим отделом, значившаяся в бумагах сухими строками и печатями, на деле оказалась чем-то куда большим - почти приглашением к неспешному знакомству с городом, который сразу же, без лишних церемоний, расположил меня к себе.

Харьков встретил меня широтой улиц и каким-то особым, уверенным спокойствием. Здесь не суеились - здесь жили. Воздух был свеж, наполнен запахом листвы, камня и утреннего кофе. Казалось, сам город наблюдает за мной с легкой улыбкой, прищулив старинные окна домов.

Первым делом я вышел на Сумскую - улицу, где жизнь течёт особенно вкусно. Кафе тянулись одно за другим, и каждое словно старалось соблазнить прохожего: тут - аромат свежесыпеченных круассанов, там - терпкий запах молотого кофе, дальше - витрины с пирожными, украшенными с такой тщательностью, будто их готовили не для еды, а для признания в любви. Я сел за маленький столик под открытым небом. Передо мной появился кофе с густой пенкой, тёплый штрудель, щедро наполненный яблоками и корицей, и тарелка, где сыр, мёд и орехи вели между собой тихий, благородный разговор вкусов. Харьков угощал меня, и делал это без показной щедрости - просто по-хозяйски.

Оттуда мой путь лёг в сад Шевченко. Это место нельзя назвать просто парком - это живая книга города. Аллеи тянулись, как строки поэмы, деревья стояли торжественно, словно хранители времени. Фонтан тихо переговаривался с ветром, а скамейки были населены людьми,

которые, казалось, знали друг друга всю жизнь, даже если виделись впервые. Здесь Харьков раскрывался особенно - в своей интеллигентной, немного задумчивой красоте. Я поймал себя на мысли, что хочется идти медленно, почти торжественно, чтобы не нарушить гармонию этого места.

Вечером я вернулся в съёмную квартиру на улице Григория Сковороды. Дом оказался старинным, с высокими потолками и лестницей, по которой, казалось, когда-то поднимались люди с тростями, книгами и важными мыслями. Квартира была меблирована со вкусом: светлые стены, массивный письменный стол, мягкий диван, на котором хотелось не просто сидеть, а размышлять. Лампы давали тёплый, почти театральный свет, а окна выходили на улицу, где город продолжал жить своей вечерней жизнью. Здесь было ощущение люкса не показного, а умного — когда комфорт служит покою, а не хвастовству.

Но больше всего меня поразили харьковчане. Коренные жители этого города — люди редкого человеческого качества. В них удивительным образом сочетаются интеллигентность и простота, открытость и внутреннее достоинство. Они говорят спокойно, слушают внимательно и умеют помогать так, будто это не услуга, а естественное продолжение разговора. В магазине, в кафе, на улице — везде я встречал доброжелательные взгляды и искреннее участие. Харьковчане словно несут в себе культуру города: уважение к слову, к человеку, к жизни.

Опять забегу вперед, уже через несколько дней я пойму, что командировка закончится, но Харьков останется со мной. Он войдёт в память запахом кофе на Сумской, тенью деревьев в саду Шевченко, тихим светом лампы в квартире на улице Сковороды и, главное, лицами людей, которые сделали этот город по-настоящему живым.

Ужин в **Nikos**на Университетской случился как будто сам собой — это один из тех вечеров, когда город подмигивает и говорит: *«Ну что, сегодня позволим себе чуть больше, чем обычно?»*

Ресторан встретил меня сдержанно и уверенно, как человек, который давно знает себе цену и потому не нуждается в доказательствах. Мягкий свет стекал по стенам, а официанты двигались с той редкой грацией, когда ты понимаешь: если вдруг уронишь мысль, её аккуратно поднимут и подадут обратно. Здесь действительно исповедовали философию, что **роскошь — это состояние души**, а не сумма в чеке. Хотя чек, как я позже убедился, тоже был в весьма приподнятом "духовном состоянии".

Меню выглядело как арт-объект. Паназиатский уклон, придуманный знаменитым бразильцем Фабио Наказато, чувствовался сразу — здесь Восток не спорил с Западом, а вежливо пил с ним вино. Нынешний шеф явно продолжал линию с удовольствием и азартом. В каждом блюде читалась идея, а не просто набор ингредиентов. Я ловил себя на том, что читаю названия медленно, почти с почтением, будто боясь спугнуть смысл.

Где-то между тартаром, который выглядел так, словно его выкладывали пинцетом под классическую музыку, и горячим блюдом с соусом, обладавшим философской глубиной, я стал свидетелем гастрономической легенды. Официант с лёгкой улыбкой рассказал, что в апреле сам шеф готовил пасту прямо в зале — **в сырной голове**, щедро добавляя трюфель из Умбрии. Я представил себе эту сцену и понял: даже если бы я ничего не ел, одного воображения было бы достаточно, чтобы почувствовать сытость — интеллектуальную и почти духовную.

И вот тут за соседним столиком появилась **Фиона**. Очаровательная блондинка, с улыбкой, которая могла бы смягчить даже самый строгий дресс-код. Мы разговорились легко, будто давно были знакомы. Имя её, впрочем, вызвало у меня лёгкие сомнения — слишком уж кинематографично оно звучало для уютного харьковского вечера. Я осторожно пошутил, что Фиона — это, конечно, прекрасно, но где-то должен быть Шрек.

Она рассмеялась и, не моргнув глазом, **достала паспорт**.

— *Вот, — сказала она с победоносным видом. — Без грима, без спецэффектов.*

Паспорт был настоящий, имя — тоже. Я признал поражение и мысленно извинился перед всеми Фионами мира за своё недоверие. В этот момент я понял, что Nikos — это не только про еду. Это место, где даже сомнения решаются элегантно и с документальным подтверждением.

Ужин тянулся неспешно. Вино раскрывалось постепенно, как хороший разговор, блюда появлялись вовремя — ни раньше, ни позже, — а атмосфера обволакивала так, что хотелось говорить тише, смеяться мягче и думать красивее. Nikos не давил роскошью — он предлагал её принять, если ты готов. Когда мы вышли на улицу, вечерний Харьков показался чуть более театральным, чем обычно. Я поймал себя на мысли, что такие ужины остаются в памяти не из-за вкусов — хотя они были безупречны, — а из-за ощущения, что ты побывал внутри хорошо написанной сцены. С отличным меню, убедительной Фионой и философией, с которой трудно спорить. Я конечно же расскажу о моей миссии в этом славном городе, но позже, а сейчас с Фионой мы просто прогуливаемся по Вечернему Харькову...

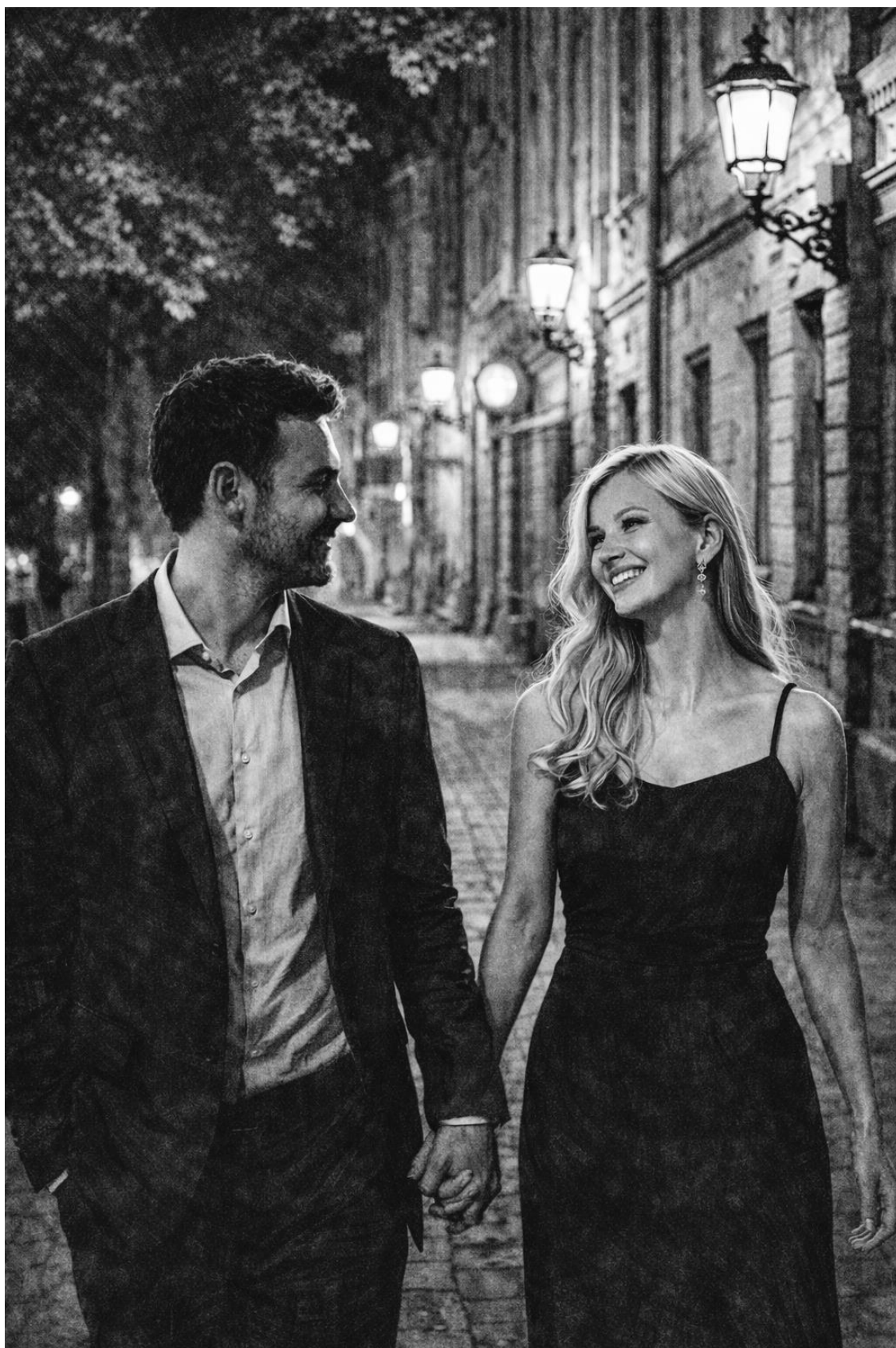
...Город дышал ровно и глубоко, как человек, уверенный, что ночь ему к лицу. Фонари на Университетской отбрасывали свет так аккуратно, будто кто-то заранее расставил его по партитуре. Мы шли рядом, не спеша, и паузы между фразами были не менее выразительны, чем сами слова.

Фиона рассказывала о Харькове без экскурсионного нажима — скорее делилась, чем объясняла. О любимых дворах, где время будто застряло между довоенным фото и завтрашним утром. О том, как город умеет быть разным: строгим днём и чуть ироничным вечером. Я слушал и ловил себя на ощущении, что это не я в командировке, а Харьков ненадолго взял меня в аренду — показать, как он живёт, думает и улыбается.

Мы свернули с шумной улицы, и сразу стало тише... Здесь шаги звучали отчётливее, мысли — честнее. Я заметил, что в этом городе даже тишина интеллигентная: она не требует внимания, но благодарно его принимает. Фиона вдруг остановилась, посмотрела на старый фасад и сказала:

— Знаешь, Харьков — он как умный собеседник. С первого раза может показаться сдержанным, но если не торопиться, он раскрывается.

Я кивнул, понимая, что это, пожалуй, самое точное определение вечера. Мы говорили обо всём и ни о чём конкретно — о путешествиях, о странных совпадениях, о том, как иногда жизнь подсовывает нужных людей в нужных местах, будто извиняясь за прежние недоразумения. И чем дальше мы шли, тем меньше хотелось анализировать происходящее. Некоторые моменты хороши именно тем, что не требуют выводов.

Где-то впереди мерцал сквер, и город словно подталкивал нас мягко, без нажима: «Ещё немного. Не спешите». Я понял, что завтра будут встречи, задачи, та самая миссия, ради кото-

рой я здесь. Но сейчас Харьков делал мне маленький, почти интимный подарок — вечер без цели, прогулку без маршрута и разговор, которому не нужен был повод.

И в этот момент я окончательно смирился с мыслью: да, командировка закончится. Но такие прогулки — нет. Они остаются внутри, как тихая музыка, которую потом вдруг услышишь в другом городе, за другим столиком, с другим человеком... и сразу поймёшь, откуда она родом, а родом она из славного города Харьков...

Глава 2 Честный омлет и хитрое задание...

Я проснулся не от будильника и даже не от тревожной мысли о сегодняшнем дне, а от звуков, которые невозможно спутать ни с чем другим: уверенное хлопанье дверцей холодильника и глухое бормотание человека, явно разочарованного в человечестве.

— Так... — донеслось с кухни. — Безлактозное молоко.

Пауза.

— Безглютеновый хлеб.

Ещё одна, более тяжёлая.

— Безалкогольное пиво...

Я закрыл глаза, надеясь, что это сон. Сон, в котором мир сошёл с ума, а холодильник стал филиалом аптеки. Но тут голос продолжил, уже с философской интонацией:

— Куда катится мир, а? Следующий шаг — женщины без чего?.. — он задумался. — Без характера? Без мозга? Или сразу без нас?

Сомнений не осталось. Это был Василий Иванович. Мой руководитель. Человек, который мог появиться внезапно, как проверка из налоговой, и так же без предупреждения начать готовить завтрак на чужой кухне.

Я вышел, опёрся на дверной косяк.

— Доброе утро, Василий Иванович. Вы... э-э... давно приехали?

— Давно — это понятие относительное, — не оборачиваясь, ответил он. — Для тебя — внезапно. Для меня — вовремя. А теперь скажи честно: ты этим питаешься добровольно или по решению суда?

Он стоял перед плитой в рубашке, закатанной до локтей, с видом хирурга перед сложной операцией. На сковороде уже шипело масло — настоящее, к счастью, не «альтернативное».

— Это не моё, — попытался оправдаться я. — Это... город такой. Прогрессивный.

— Прогрессивный, — фыркнул Василий Иванович, доставая яйца. — А яйца, слава богу, пока ещё с глютенем и совестью...

Он ловко разбил их о край миски. Ни одного осколка. Я заметил это с уважением.

— Омлет, — объявил он. — Единственное блюдо, которое не предаёт мужчине. В отличие от твоего холодильника.

Он посолил с размахом, как будто мстил соли за все ограничения современности, добавил перца и начал взбивать вилкой.

— Запомни, — сказал он, не прекращая движения. — Омлет не любит суеты. И диетологов.

Я сел за стол и наблюдал. Василий Иванович готовил с тем же выражением лица, с каким обычно подписывал отчёты: сосредоточенно, слегка сурово и с внутренней уверенностью, что он делает всё правильно, а если нет — тем хуже для реальности.

Он плеснул немного молока, понюхал коробку и подозрительно прищурился.

— Это хоть молоко?

— Ну... безлактозное.

— То есть молоко, которое стесняется быть молоком, — резюмировал он и всё равно добавил. — Ладно. Омлет — он терпимый.

Омлет получился пышным, золотистым и неожиданно примиряющим. Когда он выложил его на тарелки, кухня вдруг перестала быть чужой.

— Ешь, — сказал Василий Иванович. — День будет длинный.

Потом сел напротив, и начал есть омлет и добавил уже спокойнее:

— А Харьков... хороший город. Даже холодильники здесь честно предупреждают, что времена странные.

Я улыбнулся. И, судя по завтраку, впереди было ещё много неожиданностей... Василий Иванович ел омлет так, как будто никуда не спешил и весь мир был обязан подождать, пока он доест. Вилка двигалась размеренно, почти медитативно, а задачи при этом ставились с такой же лёгкостью, с какой он посыпал перец — щедро и без обсуждений.

— Значит так, Виталий, — начал он, не поднимая глаз от тарелки. — Тебе нужно заявиться под видом инспектора по технической эксплуатации в управление метрополитена.

Он сделал паузу, отправил в рот очередной кусок и задумчиво прожевал, словно проверяя формулировку на вкус.

— Инспектора? — уточнил я. — Прямо вот так?

— Не «прямо вот так», — поправил он. — А уверенно. С папкой. И с лицом человека, которому уже всё надоело.

— Это я умею, — кивнул я.

— Я знаю, — сухо сказал Василий Иванович. — Именно поэтому тебя и выбрали.

Он отодвинул тарелку, вытер губы салфеткой и, наконец, посмотрел на меня тем самым взглядом, после которого обычно выяснялось, что реальность сейчас слегка треснет.

— К слову сказать, нашей группой подготовлены все соответствующие документы. Бумаги, удостоверения, подписи, печати... — он слегка усмехнулся. — Даже те, о существовании которых никто не подозревал.

— Это успокаивает, — сказал я. — Немного пугающе, но успокаивает.

— Изучи свою новую личность, — продолжил он. — У тебя будет стаж, биография, пара выговоров и один благодарственный приказ за инициативу, которую никто не просил. Классический инспектор.

Я представил себе этого человека и понял, что он мне уже не нравится.

— А теперь главное, — Василий Иванович снова понизил голос, хотя в квартире кроме нас никого не было. — Нужно выяснить один важный момент.

Он сделал драматическую паузу, достойную плохого театра, и всё же выдержал её идеально.

— Весь метрополитен уже построен предыдущей цивилизацией...

Я молчал. Не потому что удивился — за последнее время это чувство заметно притупилось, — а потому что не знал, с какого именно слова начинать задавать вопросы.

— Современные строители, — спокойно продолжил он, — занимаются исключительно отделочными работами и прокладкой новых коммуникаций. Косметика, Виталий. Плиточка, кабель, вентиляция. Всё основное — гораздо старше.

— И... — осторожно сказал я, — мы это знаем потому что?..

— Потому что иначе не сходится ни одна цифра, — пожал плечами Василий Иванович. — Ни сроки, ни объёмы, ни бюджеты. И особенно — грунт.

Он снова оживился, будто разговор наконец дошёл до любимой темы.

— Твоя задача — раздобыть старинные чертежи. Вероятнее всего, они хранятся у главного инженера. Такие люди их берегут — как кощей, который над золотом чахнет. Они могут сменить страну, эпоху, власть, но папку с пометкой «не трогать» заберут с собой даже в случае апокалипсиса.

— И как мне это выяснить? — спросил я. — В лоб спросить: «Скажите, а у вас тут метро случайно не доисторическое?»

— Не утрируй, — поморщился он. — Всё гораздо проще. Смотри на количество вывозимого грунта с так называемой «новой стройки».

— Если грунта мало...

— Значит, копали не они, — закончил Василий Иванович. — Они просто открывают то, что уже есть. Как археологи, только ...

Он встал, взял кружку с кофе и уже у окна добавил почти между прочим:

- И ещё. Если почувствуешь, что тебе там слишком рады — это плохой знак. Инспекторов любят только тогда, когда им нечего проверять. Или когда проверять уже поздно.

- У меня простой вопрос, как можно это скрыть от тысяч людей, причем под носом у сотни журналистов ?

- Правильный вопрос! Вот это и предстоит тебе выяснить! Самый основной вопрос найти какие-нибудь интересные особенности, но это все по ходу, скоро подъедет Викронта тебе в помощь и знай куча народу тебя мониторит и охраняет двадцать четыре на семь!

Он сделал глоток, посмотрел на утренний Харьков и удовлетворённо кивнул.

- Ну что ж. Омлет удался. Личность у тебя новая. Метро древнее. День обещает быть интересным.

Я заметно поморщился :- Давайте на чистоту, к чему весь этот сыр бор ? В чем дело...?

- Вообще, дело вот в чём, на черном рынке очень дорогих раритетов.. появились артефакты древней цивилизации..Да, на этой планете нынешний сценарий реальности не первый .. Так вот: это так называемый генератор еды ...

- Скатерть самобранка..?- хмыкнул я .

- Почти.... прибор размером с маленький комод, удивительно красив, из неизвестного сплава с мудрёными вензелями, источает при работе какие-то красивые мелодии, но самое интересное запускается когда в определенном месте человек кладет ладонь, при этом работает только когда у человека отрицательный резус крови, и главное выдаёт за раз порцию желеподобного вещества. Наши в ультрасовременных лабораториях определили, что это идеальное питание для человека наполненное всеми необходимыми веществами для жизнедеятельности. Но самое интересное, при проведении опытов на человечках такая пища останавливает старения организма и поднимает иммунитет на невиданные высоты.. Так вот в информационном плане и не только наши специальные группы зачистили все утечки и след вывел в славный город Харьков. У тебя четыре дня, чтобы предварительно все «разнюхать» дальше будут действовать другие... Чем больше узнаешь тем лучше для всех.

- Скажи пожалуйста, Василий Иванович, - я перешел на шепот, - А на кого мы работаем? Всемирное правительство?...Предиктор...? Что это организация планетарного масштаба ,я уже понял..И что она занимается аномалиями этого слоя реальности и это понятно...А...

- Но вот... хорошо, что ты такой умненький... И хорошо , что «свист» над тобой поработал... И скажу пока только одно у этой реальности есть свои прописанные алгоритмы...Сбой и нарушение этих алгоритмов ведут к искажениям ... которые не желательны буквально для всех живущих на планете... и такие артефакты или изобретения не в своё время ведут к разрушению реальности и её распаду , а оно нам надо...? И еще твоё обучение скоро продолжится, - он подмигнул,- как в прошлый раз в Турции!

Я вздохнул и понял, что прогулка с Фионой была, возможно, последним по-настоящему спокойным событием в ближайшее время...

Глава 3 Управление метрополитена.

Здание управления метрополитена встретило меня неохотно. Оно стояло, как человек, которого разбудили среди ночи ради срочного совещания: массивное, серое и с выражением немого укора на фасаде. Двери распахнулись тяжело, с тем самым скрипом, который ясно давал понять — здесь не любят ни внезапных визитов, ни инициативных людей.

Я вошел уверенно, как и было велено. Папка под мышкой, взгляд усталый, походка человека, который уже видел слишком много всяких схем и больше ничему не удивляется.

Приёмная оказалась неожиданно светлой. Даже чересчур. В этом свете первое, что я увидел, была - она: **Фиона**.

Она сидела за высоким столом секретаря. Реальность, как назло, решила сыграть со мной в прикольную шутку. Та самая Фиона — красивая блондинка из ресторана, с идеально уложенными волосами, словно каждая прядь прошла отдельное согласование. Облегающее длинное платье подчёркивало фигуру, а вырез в платье граничил с наглостью, которой обладают только очень уверенные в себе люди. Всё в ней говорило о том, что она здесь — элемент не только служебный.

...На долю секунды Фиона подняла глаза. Удивление — живое, человеческое, почти тёплое — мелькнуло и тут же исчезло, будто кто-то щёлкнул выключателем. Лицо её стало официальным, гладким и безупречным...

— Доброе утро, — произнесла она тоном, которым можно было бы объявлять посадку на рейс в никуда. — Вы к кому?

Я понял: *мы не знакомы*. Ни ресторана, ни вина, ни разговора о том, что город по ночам честнее, чем днём, — ничего этого не существовало. Было только утро и служебная необходимость. Я уже собирался ответить, когда заметил второго персонажа сцены. Чуть в стороне, на стуле для посетителей, сидел молодой человек спортивного телосложения. Сидел он неправильно — слишком прямо, слишком собранно, будто стул был не мебелью, а временной позицией. Его взгляд лениво скользнул по мне и тут же вернулся к Фионе, задержавшись на ней на долю секунды дольше, чем требовала вежливость. Фиона это почувствовала. Её пальцы на мгновение замерли над клавиатурой, а улыбка стала чуть более натянутой — так улыбаются люди, которые знают, что за ними наблюдают, но делают вид, что всё в порядке.

— Инспекция, — сказал я, протягивая папку, — Плановая. Техническая эксплуатация. Фиона даже не моргнула.

— Фамилия?

— Виталий...Дубок — я сделал паузу, — ...Витальевич.

Она кивнула, словно именно этого и ждала, и начала работать. Бумаги зашуршали, штампы легли на страницы с сухим, безэмоциональным стуком — как приговоры, вынесенные давно и без апелляции.

— Командировка оформлена, — сказала она через минуту, всё так же не глядя на меня. — Кабинет главного инженера. Третий этаж. Я вас провожу.

Молодой человек напрягся. Это было почти незаметно, но я отметил: плечи стали жёстче, челюсть — плотнее. Фиона поднялась резко, словно боялась передумать, и, не оглядываясь, пошла к двери.

Коридоры управления напоминали внутренности огромного организма — какие то трубы в углах, кабели, схемы на стенах, и ощущение, что всё это живёт своей собственной, не всегда дружелюбной жизнью.

— Не задавайте лишних вопросов, — тихо сказала Фиона, не поворачивая головы. — И не удивляйтесь ответам.

— Вы... — начал я.

- Мы не знакомы, — тут же перебила она, чуть быстрее, чем требовала вежливость. — И лучше, чтобы так и осталось.

Она остановилась у двери с табличкой: «**Главный инженер Цупко Николай Николаевич**».

Постучала один раз — коротко, уверенно — и открыла.

Кабинет был просторным, но перегруженным. Столы, шкафы, схемы, макеты станций метро — всё это создавало ощущение, что здесь строят не подземку, а альтернативную версию мира. За столом сидел Николай Николаевич Цупко. Невысокий, плотный, с аккуратно зачёсанными волосами и маленькими, цепкими глазками, которые жили собственной жизнью, независимо от остального лица. Эти глаза не смотрели — они проверяли, взвешивали, примеряли человека на соответствие неизвестным нормам.

— Инспекция? — спросил он, даже не предложив сесть.

— Именно, — я кивнул, — Плановая. Проверка технической документации по новым строящимся станциям.

Цупко слегка улыбнулся. Улыбка вышла короткая и недоверчивая, как у человека, который только что услышал анекдот, но пока не понял, над кем смеются.

— Документации у нас много, — сказал он медленно. — Вы уверены, что готовы её... осилить?

— Я не для удовольствия здесь. В рамках полномочий мне необходимо ознакомиться со всей проектной, сметной и эксплуатационной документацией по новым станциям. Особенно по тем, что ещё не введены в строй.

Главный инженер откинулся в кресле, сцепил пальцы.

— Смело, — произнёс он. — Обычно просят выборочно.

— Обычно. Но не сегодня.

Цупко смотрел на меня долго. Слишком долго. Маленькие глазки шурились, будто пытались разглядеть трещину в уверенности инспектора.

Наконец он кивнул.

— Хорошо. Мы предоставим вам доступ.

Он наклонился вперёд и добавил почти шёпотом:

— Только учтите... не всё, что построено, любит, когда на него смотрят слишком внимательно.

Я понял: игра началась.

Комната, которую мне отвели, была неожиданно просторной и подозрительно тихой — словно в самом сердце управления метрополитена существовал карман вакуума, куда не доносились ни шаги, ни телефонные трели, ни служебная суета. Дверь закрывалась плотно, с тем особым щелчком, который сразу давал понять: здесь можно думать. На столе — аккуратные, почти демонстративно аккуратные стопки папок, каждая с грифами, подписями, датами. Строительство. Проектирование. Финансирование. Согласования. Дополнительные соглашения к дополнительным соглашениям.

— Вся документация по двум новым станциям, — сказала заведующая сектором, избегая смотреть в глаза. — Если понадобится что-то ещё...

Она не договорила и исчезла, как исчезают люди, которые сказали больше, чем планировали.

Я сел, расстегнул пиджак и стал читать.

Цифры сначала текли ровным, убаюкивающим потоком — миллионы гривен, корректировки, авансы. А потом я увидел строку, от которой поток превратился в ледяной душ: *320 миллионов евро*. Источник финансирования — Европейский союз. Целевое назначение — строительство двух станций метро.

Я откинулся на спинку стула.

Триста двадцать миллионов. Евро. В городе, где до линии фронта — меньше часа езды. Где ночи давно измеряются не тишиной, а паузами между взрывами. Где стекла дрожат чаще, чем люди улыбаются.

«Зачем?» — вопрос возник мгновенно и был из тех, что не любят одиночества. За ним сразу потянулись другие: *кто пролоббировал? на каких условиях? какие гарантии?* И, главное, *кому это нужно на самом деле?*

Я вернулся к папкам — и тут обнаружился первый повторяющийся мотив, почти музыкальный. В каждом проекте, в самом начале, словно увертюра перед оперой, фигурировало одно и то же название: «Харьков метробуд». Компания получала самые жирные контракты — нулевой цикл, основная стройчасть, подготовка тоннелей. Суммы — внушительные, сроки — щедрые. А потом... разрыв контракта. Формальный, без скандалов. И дальше появлялись другие фирмы — новые, чистые, с удивительно похожими цифрами в сметах.

Я хмыкнул.

— Классика жанра, — пробормотал он. — Увертюра за государственный счёт, а финал — в частных руках.

В дверь осторожно постучали, и, не дожидаясь ответа, вошла она — молодая работница, приставленная «в помощь». В руках — папка, прижатая к груди так, будто внутри было что-то хрупкое и личное.

На ней была короткая юбка, не вызывающая, но вызывающе неуместная для этого учреждения, и тонкая блузка, подчёркивающая стройную фигуру. Длинные рыжие волосы падали почти до талии, переливаясь медью в свете лампы. Она наклонилась, чтобы положить папку на стол, и я поймал себя на том, что мысль о 320 миллионах евро на секунду отступила...

— Это дополнительные акты, — сказала она тихо. — Если нужно... я могу принести кофе. Или ещё документы.

Я кивнул, слишком быстро, чтобы это выглядело совсем уж профессионально.

— Пока не нужно, спасибо.

Она ушла, оставив после себя лёгкий запах чего-то цитрусового и ощущение, что в этой истории есть не только цифры...

Я снова погрузился в бумаги, но мысли уже шли по спирали: *война, деньги, метро, Евро-союз, подрядчики, разрывы контрактов*. Картина складывалась, и именно поэтому начинала тревожить. Стало ясно. Что дело даже не в отмыве денег, это само собой как побочка для чиновников, строить метро в прифронтовом городе необходимо по одной причине: то что там будет найдено и отвезено за «бугор» будет несоизмеримо дороже и ценнее денег Евро-союза, оставались вопросы: кто конкретно направлял поток денег из Европы в Харьков (у таких событий всегда есть конкретные фамилии), что это за фирма такая «Харьков метробуд», какие конкретно работы они проводили а также необходимо опросить их бригады совместно с начальством и что видели другие строительные фирмы после работы «Харьков метробуд»... И обязательно побывать на месте строительства...

И тут — как будто по чьему-то сценарию — дверь приоткрылась ещё раз.

Фиона вошла почти незаметно, без звука. На лице — официальная нейтральность, но в глазах мелькнуло то самое вчерашнее, ресторанное, живое. Она не сказала ни слова. Просто, проходя мимо, будто случайно, повернула ко мне ладонь.

На внутренней стороне, аккуратным почерком, было написано:

«Никос. 20:00»

И уже в следующую секунду Фиона исчезла за дверью, словно её и не было.

Я остался один — с цифрами, вопросами и внезапным пониманием, что сегодняшний день явно не закончится в этих четырёх стенах.

Глава 4 Ужин так себе...

“Никос” встретил нас теплом и запахами, которые умеют убеждать лучше любых аргументов. Здесь всегда готовили так, будто каждый ужин может оказаться последним — и потому должен быть безупречным. Мы сидели у витринного стекла, лицом к вечерней улице: город плыл мимо, отражаясь в стекле, как в воде...

Фиона пришла в платье сапфирового цвета. Не просто красивом, а очень красивом. Цвет подчёркивал её светлую кожу и делал глаза темнее, глубже, почти опасными. Волосы она убрала, открыв шею, и я поймал себя на мысли, что она сегодня удивительно хороша...

- Ты выглядишь так, будто собираешься кого-то допрашивать, — улыбнулась она, пролистывая меню.

- А ты так, будто знаешь ответы заранее, — ответил я.

В "Никосе" вечер тёк лениво, как хорошее вино. За стеклом город играл в свою обычную игру: делал вид, что всё в порядке. Фиона сидела напротив, положив локти на стол, и слушала так, будто ей было важно не столько *что* я говорю, а то *как я говорю*.

Мы заказали быстро. Утка с соусом из тамаринда, салат со свежими овощами, вино — сухое, с малиновым послевкусием. Еда была вкусной до неприличия. Такой вкус обычно не оставляет места мыслям, но сегодня мысли ели вместе с нами.

— А ты всегда так смотришь на людей? — спросила Фиона, накалывая кусочек овоща. — Словно мысленно уже пишешь протокол.

— Только на тех, кто мне нравится, — сказал я. — Остальных я ленюсь анализировать.

— Тогда мне стоит насторожиться...

— Уже поздно...

Она покачала головой, улыбаясь, и посмотрела на улицу.

— Знаешь, — сказала она, — иногда кажется, что весь этот город живёт на паузе. Как будто ждёт, пока кто-то нажмёт «продолжить».

— Или «удалить», — добавил я.

— Ты пессимист...

Мы говорили о пустяках: о вине, о том, как странно здесь подают хлеб, о музыке, которая звучала слишком интеллигентно для такого беспокойного времени. Я рассказывал ещё один анекдот — про чиновника, который искренне не понял, за что его арестовали, ведь «он же ничего не подписывал, он только устно одобрял».

— Это даже не смешно, — сказала Фиона. — Это диагноз.

— Диагнозы у нас ставят только посмертно, — ответил я.

Она смотрела на меня внимательно, почти изучающе, и в этот момент я снова подумал, что сапфировый цвет — опасный выбор. Он располагает к откровенности.

— Ты сегодня странный, — сказала она вдруг.

— Я всегда такой. Просто иногда лучше это скрываю.

— Нет, — она покачала головой. — Сегодня ты смотришь так, будто уже знаешь финал.

— Я смотрел документы, — сказал я, когда тарелки опустели наполовину. — Две новые станции. Евросоюз. Триста двадцать миллионов евро.

Фиона не удивилась. Это было лучше любого подтверждения.

— Деньги большие, — сказала она спокойно. — Слишком большие для города в таком положении.

— Вопрос не в размере, — я покрутил бокал.

Она посмотрела на меня поверх бокала, чуть наклонив голову.

— «Харьков метробуд», — сказала она. — Они всегда идут первыми.

— А потом исчезают, — закончил я.

— Формально. А неофициально — остаются.

Она помолчала секунду, потом добавила, тише:

— Генеральный директор. Сокол Марк Иванович.

Имя легло на стол тяжело, как папка с грифом «не для всех». Я запомнил его мгновенно — такие фамилии запоминаются сами.

И именно в этот момент всё треснуло.

Сначала — свист. Тонкий, противный, будто кто-то резко провёл гвоздём по стеклу. В левом ухе. Сразу за ним — металлический привкус крови во рту. Я ещё не понял, что происходит, а тело уже знало.

Мир замедлился.

Перед витринным стеклом взревел тормозами мотоцикл. Чёрный, без номеров — я увидел это отчётливо, как кадр, застывший в воздухе. Второй человек на заднем сиденье развернулся слишком спокойно. В руках у него был автомат.

Первый выстрел разбил стекло.

Звук был не громким — глухим, вязким, будто его пропустили через воду. Осколки посыпались внутрь, как ледяной дождь. Я успел только крикнуть:

— Фиона!

И уже падал вниз, под стол, тянув её за руку. Следующие выстрелы прошли выше — я чувствовал, как пули режут воздух. В этот момент одна из них зацепила её.

Кровь брызнула резко, горячо — мне на плечо, на воротник и лицо... Сапфировое платье мгновенно потемнело в районе плеча, будто в него пролили вино. Фиона вскрикнула — коротко, сдавленно, больше от неожиданности, чем от боли.

Мы лежали на полу, среди осколков, под перевёрнутым столом. Я прижимал её к себе, ладонью зажимая рану, и считал секунды, хотя они уже не имели значения. Мотоцикл сорвался с места так же внезапно, как появился.

Тишина вернулась не сразу. Сначала — звон в ушах, потом крики, потом кто-то плакал. Я чувствовал, как её кровь пропитывает пиджак, и повторял только одно:

— Смотри на меня. Смотри на меня, слышишь?

Она кивнула. Бледная, но в сознании.

Полиция приехала быстро — слишком быстро для случайности, но сейчас мне было всё равно. Сирены, вспышки синих огней, тяжёлые шаги. Потом — скорая. Врачи работали молча, профессионально, отодвигая меня в сторону.

Фиону положили на носилки. Она успела сжать мою руку.

— Мы не договорили, — сказала она хрипло почти шепотом.

— Договорим, — ответил я. — Обязательно.

Её увезли, растворив в красно-синем свете маячков. Я остался у разбитой витрины, с кровью на плече и фамилией, которая теперь звучала иначе.

Сокол Марк Иванович.

И я уже точно знал: метро — это только вход. Настоящие тоннели были впереди...

Меня забрали в полицейский участок без лишних слов. Не как подозреваемого — как вещдок с пульсом. В участке пахло дешёвым кофе, влажной формой и усталостью. Такой запах не выветривается, он здесь прописан.

Кабинет для допросов оказался неожиданно светлым. Лампа была прямо в глаза — старый приём, но работает безотказно. Я сел, положил руки на стол и стал ждать. Через минуту дверь открылась.

Она вошла так, будто кабинет принадлежал ей давно и навсегда. Следователь.

Янина Громова.

Форма сидела безупречно, но юбка — короче, чем это позволял устав, и ровно настолько, чтобы это заметили все, кроме начальства. Смуглая кожа, чёрные, как смоль, глаза и выражение лица человека, который уже всё знает, просто хочет услышать, как ты будешь врать.

Она не села сразу. Обошла меня, как хирург перед операцией.

— Дубок Виталий Витальевич, — сказала она, листая папку. — Инспектор. Вчера — ужин, сегодня — автомат. Неплохой темп.

— Я стараюсь не терять форму, — ответил я.

Она наконец села, положила папку на стол и посмотрела прямо в глаза.

— Объясните мне одну вещь, Виталий Витальевич. — Голос у неё был ровный, почти ленивый. — Почему стреляли именно в вас и Фиону?

— Возможно, им не понравился интерьер ресторана, — сказал я. — Или моя компания.

Уголок её губ дрогнул. Не улыбка — намёк на неё.

— Юмор — защитная реакция, — сказала она. — Обычно появляется у людей, которым есть что скрывать.

— Или у тех, кто слишком много видел, — парировал я.

Она наклонилась чуть вперёд. Свет лампы скользнул по её волосам, и я заметил, что глаза у неё не просто чёрные — внимательные. Опасные.

— Вы познакомились с Фионой недавно, — продолжила она. — Не родственники. Не коллеги. Не любовники. — Пауза. — По крайней мере... И вдруг — нападение. С автоматом. Это не грабёж. Не хулиганство. Это сообщение.

— И что в нём написано? — спросил я.

— Это вы мне должны сказать.

Я пожал плечами.

— Возможно, сообщение адресовано не мне. А ей.

Громова прищурилась.

— Интересно. Тогда почему вы оказались между автоматом и ею?

— Плохая привычка, — сказал я. — Оказываться не там, где безопасно.

Она закрыла папку. Щёлкнула ручкой.

— Слушайте внимательно, Дубок. — Теперь в голосе появилась сталь. — Вы либо самый невезучий инспектор в этом городе, либо очень удачливый лжец. И мне предстоит выяснить, что именно.

— Удачи, — сказал я. — Я сам давно хочу это понять.

Она встала, подошла к двери и уже взялась за ручку.

— Фиона выживет, — бросила она через плечо. — Пуля прошла навывлет.

Потом обернулась.

— А вот вы... — лёгкая пауза, — ...пока под вопросом. Она легким движением руки, как фокусник достала свою визитку :- Звоните если нужна будет помощь... Теплые пальцы ее рук слегка коснулись моих пальцев...

- Обязательно позвоню...

Дверь закрылась.

Я остался один, под лампой, и впервые с момента выстрелов понял: стреляли не чтобы убить. Стреляли, чтобы познакомиться.

И знакомство только начиналось...

Глава 5 Викронта

Квартира на улице Григория Сковороды встретила меня тишиной, которая умела слушать. Старый дом, высокие потолки, окна во двор — здесь слова не пропадали зря. Я закрыл дверь на два оборота, снял пиджак, всё ещё пахнувший чужой кровью, и только тогда позволил себе выдохнуть.

— Поздно, — сказала Викронта из глубины квартиры.

Голос у неё был спокойный, как у человека, который давно не верит в случайности.

Она сидела в кресле у окна, поджав ноги, с бокалом коньяка в руке. Свет от настольной лампы делал её лицо резким, почти графичным. Викронта всегда выглядела так, будто знает финал партии, но позволяет тебе сделать ещё пару ходов — из вежливости.

— Для нормальных людей — да, — сказал я. — Для меня день только начался.

Она кивнула на диван.

— Рассказывай. С начала. И не эконошь на деталях.

Я сел. Пружины дивана жалобно вздохнули — дом был старый, он тоже устал.

Я рассказал всё. Ресторан. Сапфировое платье. Мотоцикл без номеров. Автомат. Кровь. Участок. Янину Громову и её юбку, которая явно вела собственное расследование. Не приукрашивал и не оправдывался. Викронта не любила, когда ей давали версии — ей нужны были факты.

Она слушала молча. Иногда делала глоток. Иногда чуть приподнимала бровь. Когда я закончил, в комнате повисла пауза — густая, как дым после выстрела.

— Шахматы, — сказала она наконец.

— Я больше по шашкам, — ответил я.

— Плохо, — Викронта повернулась ко мне. — Потому что против тебя играют в шахматы. И только что сделали ход.

— Нападение?

— Демонстрация, — поправила она. — Угроза, завернутая в шум. Они показали, что могут достать вас в людном месте и уйти. Это ход ферзём — нагло и показательно.

— И что, по-твоему, мой ответ? — спросил я.

Она поставила бокал на стол. Звук был сухим, окончательным.

— Контрудар. Но умный. — Викронта наклонилась вперёд. — Ты идёшь в управление метрополитена. Не один. С Громовой. И не с визитом вежливости, а с постановлением.

— Кабинет Фионы?

— Да и кабинет главного инженера. И третий пункт самый важный.

— Подземка, — сказал я.

— Строящийся участок. Под землёй. — Она посмотрела на меня пристально. — Осматривать первым. Не вторым. Не «если успеем». Первым, Виталий. Потому что именно там сейчас спрятан смысл всей этой стрельбы.

Я встал, прошёлся по комнате, достал телефон.

— Громова меня не любит, — сказал я.

— Она тебя уважает, — спокойно ответила Викронта. — А это опаснее.

Я набрал номер.

— Дубок — ответила Янина почти сразу. — Если это шутка — она неудачная.

— Янина, — сказал я, глядя в тёмное окно. — В тебя сегодня стреляли?

— Нет.

— А в меня — да. Значит, слушай внимательно. Нападение — не эмоция, а сигнал. Они что-то прячут в метро. И прячут плохо — под землёй.

Пауза. Я представил, как она сжимает ручку.

— Ты хочешь обыск?

— Я хочу постановление. Кабинет Фионы. Главного инженера. И участок строящегося тоннеля. Причём тоннель — первым.

— Ты с ума сошёл, — сказала она.

— Возможно. Но если я прав, — я понизил голос, — завтра ты будешь героем. А если нет — просто выпишься на работе.

— Ты берёшь меня на «слабо», Дубок?

— Я беру тебя на профессионализм, Громова.

Секунда. Две.

— До утра будет постановление, — сказала она. — И если ты врёшь — я закопаю тебя глубже этого тоннеля.

— Договорились, — ответил я. — Я как раз собирался туда спуститься.

Я отключил телефон.

Викронта улыбнулась — тонко, почти незаметно.

— Партия продолжается, — сказала она.

— Да, — ответил я. — И теперь ход за нами.

За окном город спал... Мирно и тихо, сегодня не бомбили...

Глава 6 Я, Янина и метрополитен...

Три часа ночи — время, когда город говорит правду, потому что врать уже некому.

Мы выехали колонной. Два микроавтобуса с полицией, один — наш. Фары резали холод так, будто он был материальным. Ночь стояла сухая, колкая, с металлическим привкусом во рту. Такой холод не про погоду — про решения.

Янина сидела рядом, в тёмной кожаной куртке, застёгнутой до горла. В руках — папка с постановлением. Обычная бумага, но вес у неё был как у лома.

— Три часа, — сказал я. — Почему не утром?

Она не повернулась.

— Потому что утром нас будут ждать.

Пауза.

— А ночью — только те, кому есть что прятать.

— И постановление ты получила... тоже ночью?

Уголок её губ дёрнулся.

— Когда твой отец генеральный прокурор города, ночь — это просто другая приёмная.

Колонна свернула к ограждению стройплощадки. Высокий забор, временные прожектора, охрана в утеплённых куртках. Они явно не ожидали гостей с таким количеством оружия и такими лицами.

Старший охраны вышел первым. Шёл уверенно, но глаза бегали.

— Объект закрыт, — сказал он. — Работы приостановлены. Опасная зона.

Янина вышла из машины раньше, чем он закончил фразу. Подошла почти вплотную, протянула папку.

— Управление. Осмотр. Немедленно.

Он даже не взял документ.

— Нам не сообщали.

— Вас и не обязаны предупреждать, — спокойно сказала она. — Открывайте.

Он посмотрел на полицейских. На автоматы. На лица, которым было всё равно, откроют им или нет.

— Под землю нельзя, — упрямо сказал он. — Там сейчас...

— Там сейчас то, ради чего мы приехали, — перебил я. — И если вы нас не впустите, вы станете частью протокола. В лучшем случае.

Секунда. Две.

Потом он сделал шаг назад.

— Лифт временный. Грузовой. Старый.

Отлично, — сказала Янина. — Мы тоже не новые.

Лифт выглядел так, будто его собирали из списанного лифтового оборудования и плохих решений. Металлическая клетка, облезлая кнопка, лампа под потолком, мигающая, как нервный тик.

Когда мы поехали вниз, холод усилился. Земля принимала нас неохотно. Скрежет, лязг, запах сырости и машинного масла. Полицейские молчали. Такие моменты не любят разговоров.

Внизу было темно. Освещение — временное, редкие лампы, между которыми зияли тени. Тени были слишком густые, чтобы быть просто отсутствием света.

Со стороны действующих линий уже подходили рельсы. Настоящие. Железные. Они уходили в полутьму, как приглашение без обратного адреса.

И там мы их увидели.

Люди в чёрных комбезах. Лица закрыты. Работали быстро и слаженно. Ящики — длинные, тяжёлые. Их грузили на дрезину, стоящую прямо на рельсах. Не строительную. Слишком аккуратную. Слишком... военную.

— Полиция! — крикнул кто-то.

Это было ошибкой.

Первый выстрел хлопнул глухо, как удар кулаком в бетон. Пуля выбила искры из рельса. Потом всё взорвалось.

Стреляли все и сразу. Очереди рвали тьму, лампы лопались, свет падал кусками. Я нырнул за бетонную тумбу, почувствовал, как пуля прошла слишком близко — воздух обжёг щёку.

— Вперёд! — крикнула Янина. — Не дать уйти дрезине!

Один из чёрных прыгнул за рычаг. Дрезина дёрнулась.

— Чёрт!

Янина высунулась, выстрелила. Попала. Он рухнул, как мешок, но второй уже был на его месте.

Полицейские работали чётко. Двое справа, двое слева, перекрёстный огонь. Один из противников попытался уйти в тоннель — не успел.

Грохот, крики, запах пороха. Под землёй он особенно плотный, липкий, будто его можно резать ножом.

Дрезина остановилась. Последний в чёрном поднял руки. Делал это медленно, с явной неохотой.

Тишина пришла резко. Слишком резко.

Я подошёл к ящикам. Провёл рукой по холодному металлу замков.

— Вот и ваш шахматный ход, — сказал я тихо.

Янина встала рядом.

— И партия только начинается, Виталий.

Где-то в глубине тоннеля капала вода. Метрополитен слушал нас внимательно...

Я шёл первым — не потому что смелее, а потому что так было логичнее. Когда знаешь, кто за спиной, лучше видеть темноту перед собой.

Ящики мы тащили молча. Металл резал ладони даже сквозь перчатки, а ремни впивались в плечи. В подземке стоял запах — не пыли и не ржавчины, а чего-то сухого, стерильного, как в операционной, где давно никто не жил...

Янина шла рядом. Лицо — каменное, дыхание ровное.

Чуть раньше, там, внизу, когда перестрелка стихла и остались только эхо и капающая вода, она остановилась у одного из ящиков.

— Подожди, — сказала она тогда.

Замок был военный. Не из тех, что ломают ломом. Но Янина не искала простых путей. Два точных выстрела, щелчок — и крышка приоткрылась, будто ящик сам хотел, чтобы его увидели.

Я заглянул внутрь — и сразу пожалел, что знаю, на что смотрю.

Это не было похоже ни на бомбу, ни на реактор в привычном смысле. Скорее — на маленький камин. Чёрный корпус, матовый, без единой царапины. С кучей красивых завитушек и вензелей. В центре — окно из толстого кварцевого стекла, за которым угадывалось что-то тёмное, плотное, будто сжатая ночь.

На фасаде — аккуратная надпись, выбитая без излишеств:

“RADIUM”

— Ядерная печь, — сказал я вслух, сам не понимая зачем.

Голос прозвучал чужим.

Янина удивленно посмотрела на меня...

— А это, что? В вакуумных упаковках, где то по пол кило каждая поблескивали розовые таблетки ...

Она закрыла ящик так же спокойно, как закрывают папку с делом.

— Теперь ясно, зачем им строящаяся ветка. Синтетические наркотики, где то рядом лаборатория по производству этой гадости..

Мы выбрались на поверхность... И в тот же момент город вздохнул — светло, свежо, поутреннему. Рассвет только поднимался, небо было серо-розовым, как неуверенное алиби. Утро встретило нас с восторгом...

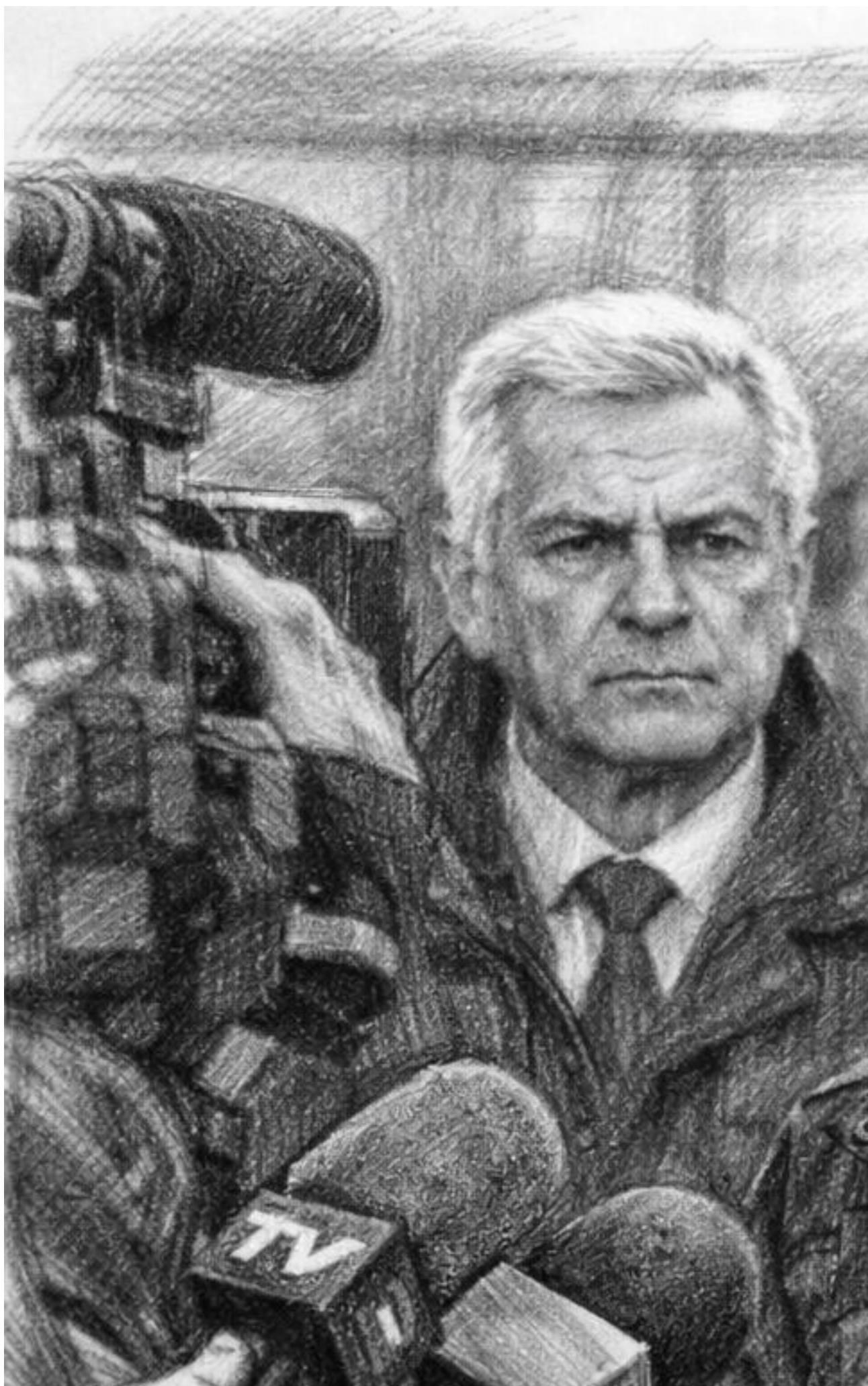
На площадке уже ждали.

Я увидел их сразу: чёрные пальто, строгие костюмы, одинаково усталые лица. Прокурорские. Много. Слишком много для обычного задержания. Чуть впереди стоял он — отец Янины, прокурор города. Высокий, прямой, с тем самым выражением лица, которое не оставляет пространства для вопросов. Он не обнял дочь, не улыбнулся. Только коротко кивнул — так кивают люди, которые привыкли доверять результатам, а не эмоциям.

Ящики аккуратно приняли, будто в них лежали музейные экспонаты. Никто не гремел, не суетился. Все уже знали, что внутри, хотя вслух это слово не произносилось.

— Отличная работа, Янина Сергеевна, — сказал кто-то из заместителей, достаточно громко, чтобы это услышали камеры.

Камеры, да...

Чуть в стороне, кутаясь в лёгкое пальто и держа микрофон, стояла одна-единственная журналистка. Молодая, с цепким взглядом. Та, что умеет задать «правильный» вопрос и вовремя его не задать.

И спектакль начался.

— Сегодня ночью правоохранительные органы провели успешную операцию...

— ...задержана организованная преступная группа...

— ...изъята крупная партия наркотических веществ...

Слова летели легко, гладко, как будто были отрепетированы заранее. Камеры ловили лицо Янины — спокойное, собранное, почти официальное. Героиня. Молодая, принципиальная, с правильной фамилией и безупречным послужным списком.

Я стоял чуть в стороне и молчал.

Потому что я знал.

Знал, что наркотики — это ширма. Удобная, привычная, понятная публике. Пакеты, цифры, проценты, отчёты. Всё это можно показать, пересчитать, списать.

А настоящий товар лежал в тех самых ящиках.

Ядерная печь.

Устройство предыдущей цивилизации — так его называли в узких кругах. Не оружие. Не источник энергии в привычном смысле. Скорее... наследие. Она использовалась для обогрева помещений. Без пыли. Без шума. Без вредных выбросов. Мягкое тепло, равномерное, обволакивающее — как у Солнца в ясный зимний день, когда оно не жжёт, а просто говорит: *живи*.

Именно поэтому она была опасна.

Не потому, что могла убить ...

А потому, что могла изменить всё...

Я посмотрел на Янину. Она на секунду встретила со мной взглядом — и в этом взгляде не было иллюзий. Она тоже знала, о чём сейчас молчат камеры.

Утро окончательно вступило в свои права. Город просыпался...

Глава 7 Каша маслом

Мы жадно накинулись на еду... Поистине Харьков вкусный город, кафе «Каша маслом» на Сумской оказалось приятным и вкусным островком в каменных джунглях города.. И где-то между солянкой и котлетой по-киевски Янина посмотрела на меня с лёгким прищуром и спросила: « Виталь, а что ты думаешь по поводу этой войны? Только честно, без протокола?...» Я уже укротил свой первый голод и как писали в одном известном романе: - « И тут Остапа понесло!...»

- Конкретно в текущей ситуации рассудит история, а в целом о войнах скажу. Если попытаться разобраться в этом вопросе, то нужно смотреть на это как на игровую карту. Без эмоций, без морали, без человеческих лиц. Эта война выглядит как сценарий с распределенными ролями, где война играется через людей. Первая держава используется как пешки давления: их функция не победить, не освободить, не защитить, а быть достаточным источником напряжения, что бы игра продолжалась. Чем больше страха...тем больше образ врага. Если пешки заканчиваются то их восполняют при помощи пропаганды и денег.. Другой стране отвели функцию жетонов легитимности, их функция подтверждать «правильность» других игроков и через них оправдываются различные решения, бюджеты, санкции и так далее. Пока граждане второй страны страдают, сопротивляются, тревожатся, то ход войны считается оправдан... Мир это сбой программы для тех кто задумал этот сценарий...

- И кто, блядь эти «сценаристы»... Что это за люди такие?

Я улыбнулся, в своей решимости Янина напоминала Жанну д'Арк...

- Очевидно, что люди в этих сценарных рядах всего лишь фигурки на игровой доске с очень маленькими степенями свободы, какие бы они не занимали должности и сколько бы у них не было денег...

- Не люди...?

- Назовём их энерго-информационные структуры, - я почему-то перешел на шепот..

- А как же добро и зло? И вся эта мораль?

- С точки зрения сценария войны, - продолжил я, - нет добра или зла, есть эффективность противостояния. Первая держава нужна как враг, которого не возможно победить. Вторая страна как жертва, которую невозможно полностью оккупировать. Если не так, тогда теряется смысл функции терпил и человеческого страха.... А страх имеет функцию самовоспроизводства, он становится бесплатным агентом системы, тех кто организывает сценарий в целом... Страх не устраняют, его дозируют. И обязательно добавляют ненависть. Когда люди ненавидят, они перестают анализировать и синтезировать реальные причины плохой жизни...

- В смысле синтезировать? Объясни...

- Все просто. Слово анализ обозначает разделение. Это слово пихают везде с умным «хохотальником». Но любое событие нужно не только анализировать, то есть разложить на более простые и понятные составляющие, но еще и сделать правильный вывод, то есть синтезировать - объединить с новым понятным смыслом и решением...

- Прикольно...! А ты я смотрю умный...!

- А то...!

Янина допила узвар, сделала легкий прищур имитируя “вождя мирового пролетариата”: “Ладно, Дубок! Колись...Какой с тебя инспектор?..Ты явно из каких-то спецслужб ... И что такое ядерная печь? Я ж не дура, сказал А, говори и Б...”

В кафе все затихло... Сам воздух застыл как новогодний холодец в праздничную ночь...

- Если я расскажу, то мне придётся тебя...

- Убить !?- она хмыкнула..глазами указав на кобуру на левой стороне...

- Нет не убить, мы ж не звери...

- Дубок! Я девушка из простых... И ты мне понравился сразу. А так как времени у меня всегда мало, я готова дать прям сейчас...- сказала она без тени смущения.

- Ладно, только дай обещание, что никому не расскажешь, ни-ни... Хотя можешь говорить все, что угодно, все равно это будет звучать как «теория заговора».

- Честное пионерское никому не расскажу!

- А ты хоть знаешь кто такие пионеры?

- Нет. Наверное хорошие люди, — так мило улыбнулась...

- Ладно, тогда слушай. Современные, специально обученные человечки, они же историки, называют их угольными или дровяными печами. Но при ближайшем рассмотрении печи демонстрируют ряд конструктивных особенностей полностью противоречащих их официальному назначению. Прежде всего поражает само качество исполнения. Это настоящий шедевр художественного литья, уровень детализации которого свидетельствует о высочайшей технологичности. Если бы сегодня возникла необходимость повторить подобное изделие пришлось бы менять кардинально многие технологические процессы. Если отбросить эстетику этих печей и подойти с точки зрения инженерной технологии, то возникает непреодолимый когнитивный диссонанс. Конструкции этих печей вступают в прямой конфликт с физикой горения твердого топлива. Ключевая проблема скрыта в топочных камерах. Дверцы для закладки топлива выглядят столь миниатюрно, что через них физически невозможно положить полено. Если их и топили, то щепой или маленькими угольками. Но сразу же возникает вопрос: почему нет следов горения в этих печах и самое странное - нет отвода продуктов сгорания. Банально нет трубы! Отсутствует поддувало и зольники для остатков продуктов горения.. Если с больной головы попытаться распалить такую печь, можно задохнуться от угарного газа... Знающие конструкторы и инженеры в один голос утверждают, что печь работала на ядерном топливе и что табу наложенное на радиацию нынешними управителями, мягко говоря, вранье о его смертельной опасности.

И тут я вспомнил о Фионе.

- В какой больнице сейчас Фиона? Может ей нужна охрана? Может она знает слишком много, только о чем ..?

- Не переживай, Дубок. Мы всё ж не дураки. К ней приставлена «наружка» и непосредственно в палате рядом с ней под видом пациента находится наш работник... Она в институте общей и неотложной хирургии имени В.Т. Зайцева... Палата номер пять... Там лучшие хирурги не только в городе, но и пожалуй в стране...

Глава 8 Институт им. В.Т. Зайцева

Институт общей и неотложной хирургии стоял, как всегда, чуть в стороне от времени. Монолитный, угловатый, с широкими лестницами и квадратными колоннами на входе, пережившими больше режимов, чем любой из нас. Соцреализм в чистом виде: суровая геометрия, тяжёлый камень, большие окна — будто само здание лечило людей.

Говорили, что здесь работают лучшие хирурги в Харькове. И, если честно, я в это верил. Было в этом месте что-то ещё — не пафосное, не мистическое, а спокойное. Магия? Возможно. Но не враждебная. Скорее, такая, что кладёт ладонь на плечо и говорит: *ты ещё поживёшь*.

Я поднялся по ступеням. Солнце било в окна, отражаясь бликами на мраморном полу вестибюля. Белые стены, запах антисептика и старых книг, звук лифта, который ехал медленно и с достоинством ветерана. Всё было слишком мирно для того, что должно было случиться...

Я знал: Фиона в палате, пуля застряла возле ключицы, операцию сделали ночью. Знал и другое — её охраняют. Официально и неофициально — женщина-полицейский, переодетая под пациентку. Лежит рядом, капельница, бинты. Театрально, но зато работает...

Я уже шёл по коридору, когда увидел его.

Молодой. Слишком собранный для посетителя. Слишком тихий. Я видел его раньше — мельком, в приёмной управления... у Фионы. Тогда он был «ником». Такие всегда опаснее всего.

Он исчез за дверью палаты.

Что-то внутри меня щёлкнуло.

Я ускорился.

Дверь была приоткрыта. Все очень быстро. И я увидел, как его руки сомкнулись на горле Фионы. Она была бледной, ещё слабой после операции, и даже не успела закричать. Зато успела её охранница. Она вырвала капельницу, как змею, и ударила его кулаком по ребрам. Глухо. Сочно. Он отшатнулся, но тут же ответил — коротко, зло, профессионально. Удар в плечо. Колено в живот. Она упала на одно колено, но не сдалась...

Началась драка.

Не киношная. Настоящая.

Он бил жёстко, экономя движения. Она держалась на характере и адреналине. Но я видел — ещё несколько секунд, и он её сломает. И здесь начал я..

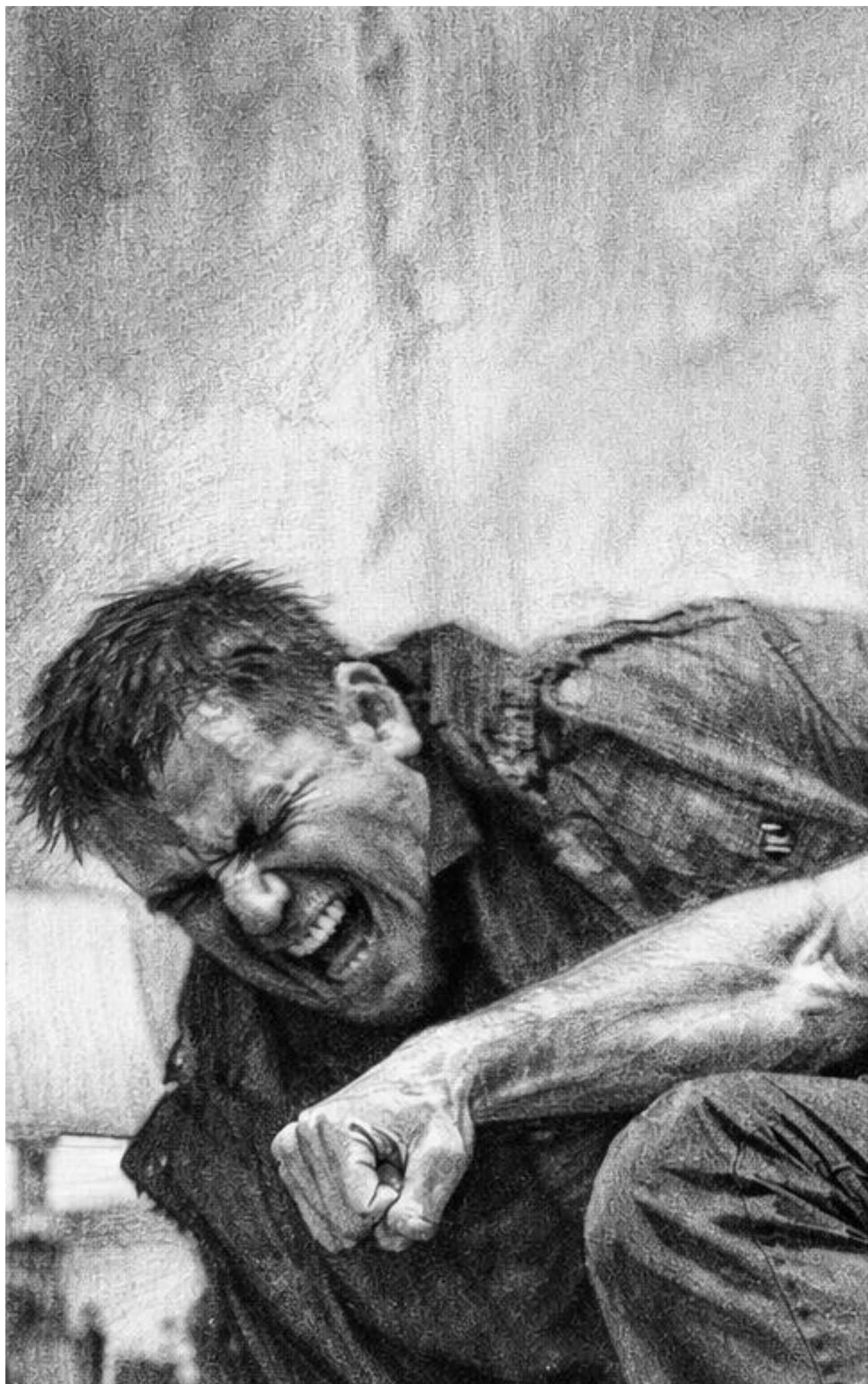
Первый удар — ладонью, короткий, по запястью. Он выронил захват. Второй — локоть в челюсть. Не красиво. Эффективно. Он отлетел к стене, но удержался на ногах.

Он попытался достать пистолет.

Плохая идея.

Я выбил оружие ногой, ещё до того как металл успел блеснуть. Пистолет ударился о стену и скользнул под кровать. Он рванул ко мне, вслепую, яростно — и это была его ошибка.

Я встретил его на шаге. Уход в сторону. Удар в солнечное сплетение. Колено. Контроль руки. Джет Кун До — это не стиль. Это разговор. Короткий. Без лишних слов.

Он понял, что проигрывает.

Оттолкнулся, ударил плечом в дверь и выскочил в коридор. Бежал быстро. Слишком быстро, чтобы гнаться ...

Я не стал преследовать.

В палате снова стало тихо. Только дыхание Фионы и очень тяжёлое дыхание женщины-полицейской.

— Жива? — спросил я.

Фиона едва заметно кивнула. Губы побелели, но глаза были ясные. Упрямые. Живые.

Весеннее солнце всё ещё играло бликами на полу. Институт стоял, как и прежде — спокойный, надёжный, старый. Он сделал своё дело : оставил нас в живых...

А вот наше дело — только начиналось.

Я прикрыл дверь палаты и только тогда почувствовал, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя знакомую дрожь в пальцах. Женщина-полицейский уже сидела на кровати, зло затягивая бинт на предплечье.

— В следующий раз, — сказала она, — я притворюсь , что в коме. Так надёжнее.

— Не рекомендую, — ответил я.

Фиона попыталась улыбнуться. Получилось криво, но честно.

— Виталий... — выдохнула она. — Ты как всегда вовремя.

— У меня талант, — сказал я и достал телефон. — Лежи. Героизм сегодня по расписанию отменён.

Я отошёл к окну, где весеннее солнце заливало коридор так, будто ничего плохого в мире не существовало, и набрал номер Янины.

Она ответила сразу.

— Только не говори, что ты опять влип, — сказала она вместо «алло».

— Я не влип, — спокойно сказал я. — Я слегка окупился. В институте хирургии. У Фионы в палате.

Пауза. Потом вздох.

— Виталий...

— Был гость. Молодой. Душил пациентку. Сейчас — бывший гость. Ушёл ногами.

— Плохо, — сказала Янина.

— Зато быстро, — уточнил я. — Пистолет уронил, но унести не успел.

Она помолчала секунду, явно прокручивая ситуацию в голове.

— Жива?

— Да. - я посмотрел в сторону палаты. — всё нормально...

— Охрана?

— Одна. Храбрая, но не бессмертная.

Янина хмыкнула.

— Ладно, герой кино выходного дня. Сиди там и ни во что больше не ввязывайся.

— Я постараюсь, — честно сказал я. — Но гарантий не даю.

— Присылаю двоих. Нет, троих. И врача из наших — пусть осмотрит всех, включая тебя.

— Я цел, — сказал я.

— Это ты так думаешь, — ответила она. — Ты всегда так думаешь.

Я улыбнулся. В этом была вся Янина.

— Спасибо.

— Не за что. И Виталий...

— Да?

— Если этот парень снова появится — постарайся оставить его в живых. Мне интересно, кто так торопится отправить Фиону на тот свет.

— Сделаю, что смогу, — сказал я. — Без обещаний.

Я отключился и вернулся в палату. Фиона смотрела на меня внимательно, будто читала между строк.

— Янина? — спросила она.

— Она самая. Скоро будет здесь столько полиции, что институт можно будет переименовать в управление с койками.

Женщина-полицейский усмехнулась.

— Наконец-то. А то я уже начала сомневаться в своём актерском таланте.

Фиона тихо рассмеялась, и этот смех прозвучал лучше любой медицинской аппаратуры.

За окном шумела весна, через пол часа в коридоре слышались шаги — уверенные, служебные.

Подкрепление шло.

А значит, у нас появлялось то, чего раньше не было.

Небольшой, но очень важный люфт между жизнью и следующим выстрелом.

Глава 9 Ученье свет, а неучённых тьма...

Усталость после дневных приключений ковыляла впереди меня...Я зашел в квартиру ...и.. был приятно удевлён... Викронта на кухне завершала сервировку стола: жаренная картошечка, маринованные огурчики и грибочки... а тушенное мяско еще дымилось в глиняных горшочках..аккуратно выложенный на тарелочке финский сервелат.. запотевшая бутылочка пшеничной водки гордо стояла в середине стола...

Она весело подмигнула:” Прошу к нашему шалашу...”

Я довольно быстро уплетал все эти вкусняшки, хлопнул пару рюмок водки и ещё успевал рассказывать о всех перепитиях сегодняшнего дня...

-Всё ясно, - как то сухо сказала она, - А теперь в душ и спать.. Продолжим учебу, как в Турции, во сне...

* * *

Солнечные лучи пробивались сквозь оконные жалюзи, комната наполнялась волшебным светом утренней благодати. Голова Фионы лежала у меня на груди, от ее волос исходил удивительный запах, это запах меда смешанный с молоком. Я жадно впитывал в себя настоящий момент: солнечные лучи, запах ее волос, волнующие изгибы ее тела и мое счастье, обычное человеческое счастье, счастье радости бытия... Она повернулась ко мне и улыбнулась... Я улыбнулся в ответ и мы поцеловались ...

Она приостановилась и спросила: « А ты когда-нибудь любил по-настоящему... ну так... очень сильно?»

Я улыбнулся: « Я люблю тебя, очень сильно!»

Она: « Обещай мне, если станет любить меня очень трудно..., люби меня еще сильнее!»

Она встала с кровати и села напротив меня в кресло. Я посмотрел на неё и словно мир замер... Солнечные лучи ласково скользили по её коже, освещая каждую линию, каждый изгиб её тела, словно кистью великого художника были расписаны все тени... Она сидела в кресле, обхватив колени руками, и я не мог оторвать от нее взгляд... Ее обнажённые плечи были совершенны: тонкие, нежные, словно высеченные из самого мягкого мрамора. Лёгкое движение - и свет заиграл на её ключицах, как бы подчеркивая их естественную грацию. Её грудь вздымалась в ритме тихого спокойного дыхания, и это движение завораживало, словно тихая, манящая мелодия. Мне хотелось подойти, коснуться этих плеч, почувствовать тепло её кожи, убедиться, что она реальна, а не видение, сотканное из полумрака комнаты и моей собственной нежности. Но я боялся пошевелиться, боялся спугнуть этот момент, разрушить хрупкое равновесие тишины, повисшей между нами. Я просто стоял и впитывал этот образ, желая запечатлеть его в памяти навсегда.

И тут Фиона голосом Викронты сказала: «Тебе необходимо сосредоточить своё внимание на моей речи..

« Всё ясно, я во сне это всё не настоящее - сказал я и кивнул лже-Фионе... И она начала: «Ты уверен, что живешь в настоящем? Но это не правда, мы всегда наблюдаем прошлое минимум от двухсот до пятисот миллисекунд, то что мы воспринимаем «здесь и сейчас» уже произошло. Мозг не успевает показать реальность онлайн, потому что он делает единственное , что он может, а именно предсказывать..он работает как монтажер, заранее собирает версию мира, чтобы ты хоть как то ориентировался в пространстве...Ты падаешь на пол в ресторане и только потом слышишь автоматную очередь...Или ты читаешь чье то сообщение и твой мозг мгновенно рисует интонацию хоть ты еще не знаешь, что человек хотел тебе сказать... К примеру тебе звонит Василий Иванович и спрашивает: «Ты когда домой?» В реальности это нейтральный вопрос... Но если в прошлом у тебя есть опыт контроля над тобой или давления,что собственно есть у всех или же тебя выводили на чувство вины, то твой мозг выдаёт шаблон гораздо быстрее, чем ты успеваешь моргнуть и ты слышишь: « Где ты ? Почему опять задерживаешься?» Хотя этого никто не произносил! И вот почему в горячей ссоре люди говорят: «Нет. Ты не это говорил.» Потому,что оба уверены в своей версии происходящего. Ибо каждый слышит ...воспринимает свою модель происходящего, свою модель реальности, которая продиктована особенностью лично-

сти каждого склеенной мозгом из предположений, допущений, предпочтений, страхов, различных фильмов, историй и прочего.. прочего. Назовем их программами Эго. То есть на поверку получается, что так называемой объективной реальности в принципе не существует. Но присутствует синхронизация реальностей между человечками... И поэтому наш мозг всегда строит симуляцию, где как бы понимает происходящее, внутри встроена программка «комментатор» , которая объясняет буквально все, мало того в этой симуляции тебя зача-

стую либо хвалит ваше эго, либо винит, все зависит от того какие программки домини-

От услышанного я даже перестал обращать внимание на эту прекрасную наготу, - получается **Я** через органы восприятия этого мира транслирует восприятие к личности ,то есть опять себе же, тут же восприятие проходит через «фильтры» или же назовем «программки» личности,мозга, эго можно называть по разному. И выдает прокачанную симуляцию опять **Я** . Стесняюсь спросить , где же **Я** есть **Я**, какое из **Я**-истинное ? Лже-Фиона улыбнулась — А это мы увидим во второй серии нашего обучения .Она сделала финт, который показала Шерон Стоун..., а в прочем у нас книга не про это. Все вокруг поплыло, я (какое из них?) открыл глаза Утро.

Глава 10 Генеральный директор «Харьковметробуд»

Я проснулся от света — он пробился сквозь шторы нагло, как налоговая. За окном город тянулся, зевал, пускал первые трамваи и пах кофе вперемешку с весной. Было свежо, ясно и подозрительно мирно. А может уже конец этой войне...?

На кухне уже хозяйничала Викронта. Она стояла у плиты, как полководец у карты местности. Турка шипела, яичница шкворчала, а взгляд у неё был тот самый — «сейчас ты узнаешь, что у тебя нет выходных».

— Доброе утро, — сказал я осторожно.

— Для кого доброе, а для кого рабочее, — отрезала она, ставя передо мной чашку. — Пей. Потом думай.

Я сделал глоток. Коньяка не было — значит, день обещал быть длинным.

— Задачи простые, — продолжила Викронта, присаживаясь напротив. — Первая: Янина. Вторая: генеральный директор «Харьковметробуда».

— В любой последовательности?

— Нет. Сначала Янина. Потом директор.

— А если директор окажется раньше Янины?

— Значит, ты плохо искал Янину, — пожала плечами она.

Логика железная, как рельсы под землёй.

Через полчаса я уже был возле полицейского управления.

Харьков сиял — после ночного холода асфальт ещё хранил прохладу, каштаны вдоль улиц стояли как почётный караул, а небо было таким чистым, будто его только что вымыли. Город выглядел красавчиком: строгий, немного грубый, но с хорошими манерами...

Янина ждала меня у входа в полицейское управление.

Она была в короткой куртке, которая подчеркивала фигуру так, будто еёшили с умыслом. Волосы собраны, но пара прядей всё равно выбивалась — у неё вообще плохо получалось выглядеть «официально». Красота у Янины была из тех, что мешают допросам и сбивают показания.

— Ты опять без предупреждения, — сказала она, улыбаясь.

— Я экономлю твоё время. И своё алиби.

— Тогда тебе повезло — у меня как раз окно между «государство в опасности» и «кофе». Мы пошли вдоль улицы. Город шумел, но не мешал — как хороший джаз на фоне.

— Есть предложение, — начал я.

— Я уже боюсь.

— Встретиться с генеральным директором «Харьковметробуда». Неформально.

— Ты хочешь поговорить или напугать?

— Я хочу, чтобы он сам решил, что лучше — говорить или бояться.

Янина хмыкнула.

— Знаешь, — сказала она, — нормальные люди утром предлагают кофе.

— Я предлагаю правду. Она бодрит сильнее.

— Ладно, — кивнула она после паузы...

Я ей нравился, это чувствуется сразу: долгий взгляд, податливость, она начинает смеяться от твоих шуток, даже если они дебильные... часто поправляет свои волосы...

— Что?

— Мне давно интересно, кто у нас под землёй строит не только метро.

Она посмотрела на меня искоса — тем самым взглядом, от которого даже у города могли бы дрогнуть фундаменты.

Харьков вокруг жил своей жизнью: машины, голоса, солнечные блики в витринах.

А мы шли навстречу человеку, который знал слишком много о тоннелях — и слишком мало о том, кто по ним ходит ночью. И еще в голове была куча мыслей : где сейчас хранятся изъятые ядерные печи и кто в действительности прокладывал метрополитен и как древнюю стройку можно так лихо скрывать ?...И почему-то я был уверен:это утро закончится совсем не так красиво, как начиналось.

Она шла рядом, чуть ближе, чем требовала улица. Это был не случайный шаг — скорее подсознательный манёвр. Я ловил её взгляд в отражениях витрин: быстрый, цепкий, изучающий. Когда женщина смотрит так, она либо готова доверять, либо готова стрелять. Иногда — и то и другое.

— Ты знаешь, — сказала она, будто между делом, — у генеральных директоров есть плохая привычка.

— Какая?

— Они думают, что под землёй всё принадлежит им.

— Под землёй вообще все думают, что хозяева, — ответил я. — Пока не погаснет свет...

Мы свернули с шумной улицы в более узкую. Харьков здесь был другим: старый камень, тень от каштанов, влажный запах утреннего асфальта. Город умел быть красивым без показухи...

— Он сейчас в офисе, — сказала Янина. — Рано, но он из тех, кто любит приходить первым.

— Любит контроль.

— Боится сюрпризов.

Я усмехнулся.

— Значит, мы вовремя.

Она снова поправила волосы — жест быстрый, почти нервный. Не кокетство. Подготовка. Как у стрелка перед выстрелом.

— Слушай, — вдруг сказала она тише. — Если он начнёт юлить...

— Он начнёт.

— ...я официально ничего не слышала.

— А я официально ничего не говорил.

Мы остановились у светофора. На секунду мир завис: красный свет, гул мотора, её профиль в утреннем солнце. Красивая. Опасная. И почему-то именно сегодня — слишком живая для этого города.

— Ты уверен, что хочешь туда лезть? — спросила она, не глядя на меня.

— Нет, — честно сказал я. — Но я уже там.

Загорелся зелёный. Мы пошли дальше.

В голове всё крутилось, как плохо смазанный механизм: ядерные печи не могли просто «появиться» на складе. Их где-то держали. Кто-то знал, как они работают. Кто-то знал старые схемы — не те, что в архивах, а те, что рисовали люди, у которых не было электричества, но было время.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? — сказал я.

— Когда ты так говоришь — да.

— Метро. Оно слишком старое для своих секретов и слишком новое для своей истории.

Она посмотрела на меня снова — тем самым взглядом.

— Ты начинаешь думать, что его строили не мы?

— Я начинаю думать, что мы просто продолжили.

Офис «Харьковметробуда» вырос перед нами без пафоса: бетон, стекло, флаг. Ничего лишнего. Как у человека, которому есть что скрывать.

Я толкнул дверь.

И в этот момент я окончательно понял: это утро уже проиграло право быть обычным. Охранник даже не встал. Только поднял глаза и сказал буднично, как прогноз погоды: — Генерального нет. Сокол Марк Иванович сегодня не появлялся.

Янина остановилась. Полсекунды — ровно столько, сколько нужно человеку, чтобы понять: враньё.

Она показала удостоверение. Он посмотрел. Побледнел ровно на тон. Нажал кнопку турникета, будто надеялся, что она всё-таки не сработает.

— Проходите.

Мы прошли.

Приёмная встретила нас тишиной. Не рабочей — мёртвой. Телефон без гудка. Чашка с остывшим кофе на краю стола. Пальто на спинке кресла. Люди так не уходят. Людей так... прерывают.

Дверь в кабинет была приоткрыта.

Янина замедлилась. Я тоже. В таких местах шаги становятся тише сами — инстинкт, выработанный годами плохих утр.

— Чувствуешь? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Здесь уже всё случилось.

Мы вошли.

Сокол Марк Иванович сидел в своём кресле. Прямо. Почти достойно. Если не считать аккуратного отверстия во лбу и тонкой тёмной дорожки, которая стекала к воротнику дорогой рубашки.

Выстрел был точным. Профессиональным. Без эмоций.

— Контрольный не понадобился, — сказал я. — Он знал, куда стрелять.

Янина подошла ближе, но не тронула ничего. Глаза у неё стали другими — холодными, стеклянными, следственными.

— Утро не задалось, — сказала она тихо.

Я посмотрел на окно. Шторы были чуть сдвинуты. Слишком аккуратно. На столе — раскрытая папка. Не документы. Схемы. Старые. Желтоватая бумага. Тоннели. Ответвления, которых не было ни в одном официальном плане.

— Он собирался говорить, — сказал я. — Или уже говорил.

Янина вытащила телефон.

— Оперативную группу. Немедленно.

Пауза.

— Да. Кабинет генерального. Один труп. Похоже, свежий. Нет, самоубийством здесь и не пахло.

Она отключилась и посмотрела на меня.

— Мы опоздали.

— Нет, — ответил я. — Мы пришли вовремя. Просто не первыми.

Где-то внизу хлопнула дверь. Потом шаги. Слишком быстрые для офисных работников.

— Охрана? — спросила она.

— Или те, кто не любит, когда их прошлое лежит на столе, — сказал я.

Я ещё раз посмотрел на Сокола. На его застывшие глаза. Они были открыты.

— Он слишком много знал о метро, — сказал я. — И слишком мало — о том, как заканчиваются такие знания.

За окном Харьков продолжал жить: сигналили машины, светило солнце, люди спешили по своим делам.

И партия перешла в фазу, где фигуры начинают исчезать...

- Янина ты можешь, мне доверится? Эти схемы и чертежи отдай мне на время для исследования, а то я боюсь когда они попадут к вашим. Мы реально многое потом не узнаем...

Она кивнула и вышла из кабинета... Мне понадобилось семь секунд, чтобы собрать около двадцати листов бумаги и аккуратно сложить под куртку. -Встретимся завтра утром в девять в «Кулиничих» на Сумской... Харьковчане знают эту сеть вкуснейшего фаст-фуда ...

Глава 11 Смотрю в книгу... и вижу фигу...

Квартира на Сковороды встретила меня знакомым запахом — кофе, старых книг и чего-то жареного, Викронта умела готовить ...

Я захлопнул дверь плечом, прижимая к груди заветные чертежи...

— Если это опять труп или гранатомёт, — донеслось с издёвкой из кухни, — разувайся на коврик. Я полы мыла.

— Хуже, — сказал я. — Документы.

Из кухни высунулись Василий Иванович и Викронта.

Футболка, узкие джинсы, волосы собраны небрежно, как у человека, который умеет выглядеть красиво даже случайно.

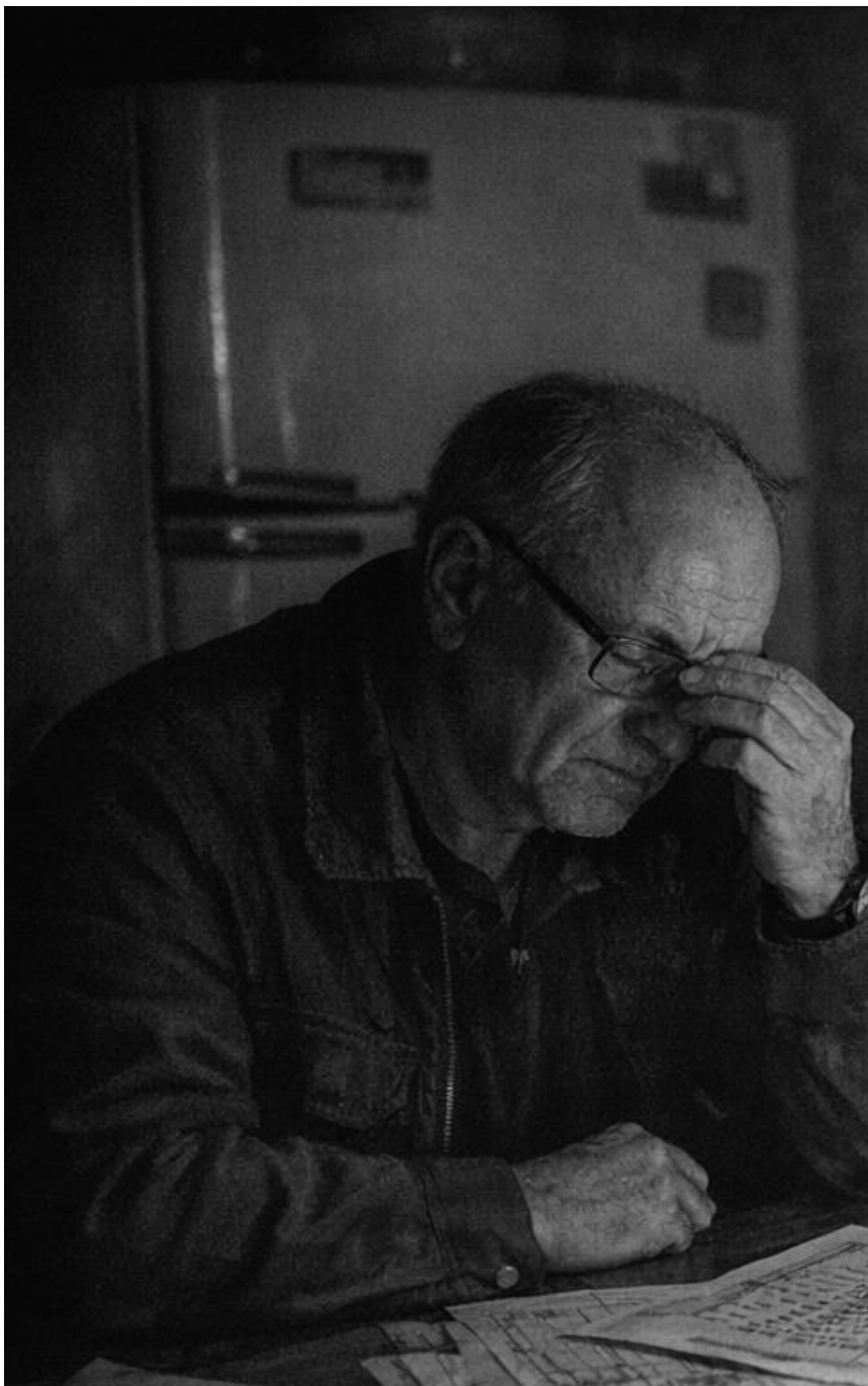
— Тогда точно хуже.

Через десять минут на столе уже стояли:

бутылка армянского коньяка, нарезанный сыр, лимон, чёрный хлеб, и Василий Иванович — как обязательный элемент любой мистики.

Он сел, аккуратно расправив старый свитер, будто собирался не пить, а защищать диссертацию.

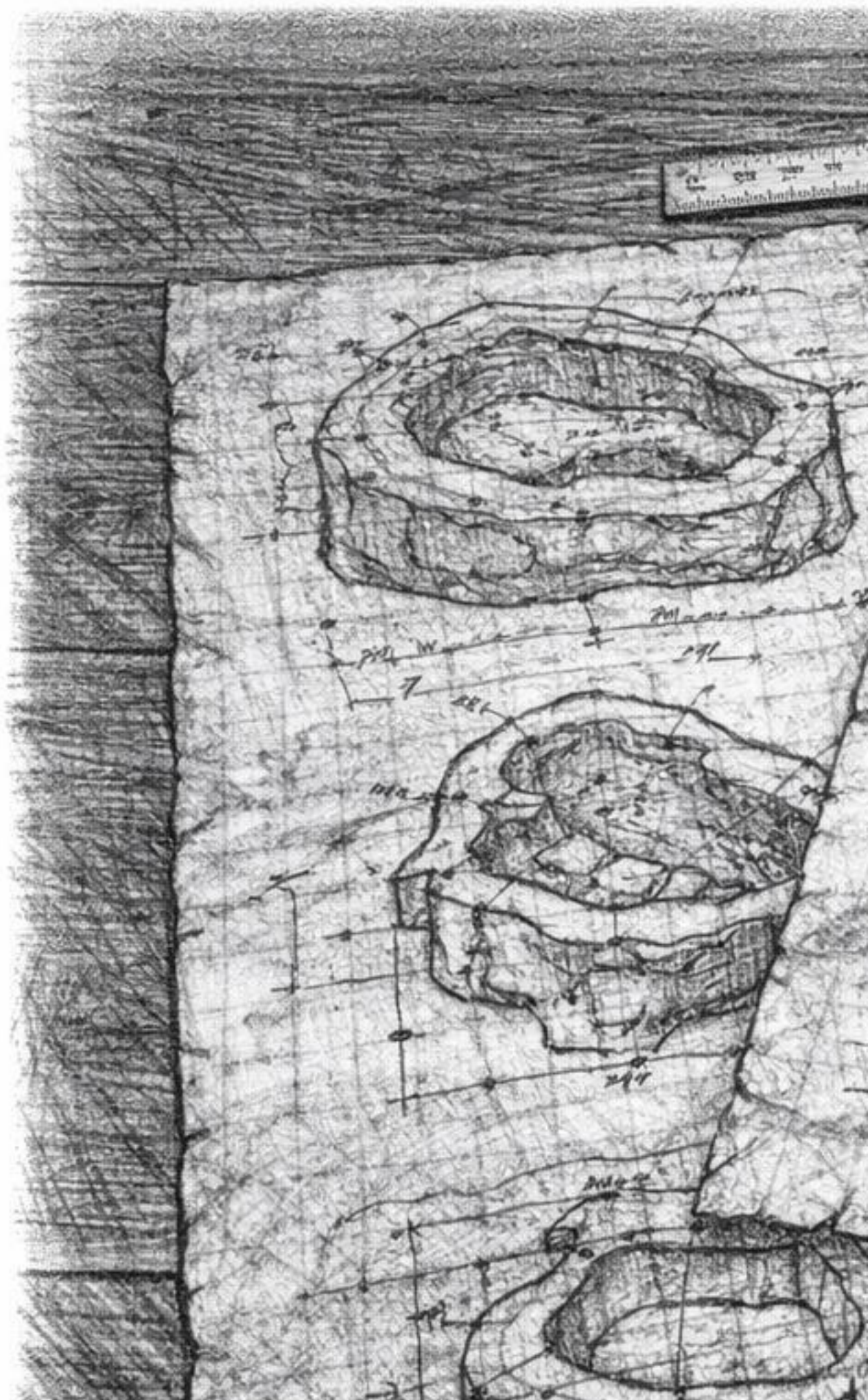
Я развернул первый лист.

И вот тут мы все замолчали.

Бумага была... не бумага.

Толстая, волокнистая, с лёгким перламутровым отливом. Как будто её делали не на фабрике, а выращивали.

— Формат не наш, — пробормотала Викронта, прикладывая линейку. — Ни А4, ни А3. Вообще ничего из ГОСТа.

— И шрифт, — добавил я. — Это что... кириллица после запоя?

Буквы были знакомые.

Но словно скрученные, вытянутые, с лишними хвостами и узлами.

Как если бы русский язык решил стать заклинанием.

Василий Иванович медленно налил себе коньяк. Не чокаясь. Как на поминках здорового смысла.

— Это буковы, — тихо сказал он.

Мы с Викронтой переглянулись.

— Это сейчас был термин или ругательство? — спросил я.

Он усмехнулся:

— Это письмо. Очень старое. Доалфавитное. Им не просто описывали вещи... им их делали...

— В смысле? — я сделал глоток. — «Нарисовал чайник — получил чайник»?

— Почти, — кивнул он. — Букова — это не только звук. Это и действие...

Он провёл пальцем по одному символу.

— Вот, например, СВИМ. Снимает негативные блокировки. Человек после неё как после хорошей исповеди и массажа сразу.

— То есть... терапия шрифтом? — фыркнула Викронта.

— А вот ТИЛО, — продолжил он, не обращая внимания, — гармонизирует тело. Регенерация. Баланс. Организм сам чинится.

Я присвистнул.

— Бесплатная медицина древних.

— А СЫ, — Василий Иванович поднял глаза, — даёт недостающую информацию. Когда мозг бьётся над задачей — и вдруг «щёлк».

— Инсайт?

— Именно.

Мы помолчали.

— То есть кто-то сделал... магический AutoCAD? — спросил я.

— Грубо. Но да.

Василий Иванович уже притащил ноутбук :- Одна из наших групп плотно работала по Буковам в начале 90-х, у меня есть специальная программка расшифровки.— Я загружу это в программу распознавания символов. Если это система, там должна быть повторяемость.

Викронта села за стол спиной ко мне, наклонилась к экрану. Я машинально задержал взгляд. Чёрт.

У неё была та редкая, спокойная пластика движений — без показухи, без поз. Просто естественная грация человека, который уверен в себе. Узкая талия, линия спины, аккуратные плечи. Когда она тянулась к мышке, свет лампы скользнул по контуру фигуры, и я поймал себя на том, что секунд пять вообще забыл, что мы обсуждаем древнюю магию.

— Виталий, — не оборачиваясь сказала она, — если ты сейчас не принесёшь второй стул, я решу, что ты завис.

— Я... анализирую обстановку, — кашлянул я.

— Ага. Особенно стратегически.

Василий Иванович хмыкнул:

— Молодость...

Я сделал вид, что изучаю техническую часть.

Чертежи были ещё страннее.

Не просто планы.

Сечения, узлы, каналы... но они не совпадали с физикой.

Некоторые линии уходили «в никуда».

Слои пересекались невозможным образом.

Будто это схема не тоннеля.

А пространства.

— Ребята... — сказал я тихо. — Это не чертеж тоннеля...

— Что тогда? — Викронта щёлкала клавишами.

— Это... как будто инструкция по сборке среды. Как будто они не строили тоннель... а создавали условия существования тоннеля под землёй.

Повисла тишина.

Компьютер пискнул.

— Нашла закономерность, — сказала она. — Повторы. Это реально язык.

Василий Иванович медленно улыбнулся:

— Тогда, дети мои... мы только что притащили домой не чертежи.

Он поднял рюмку.

— А руководство пользователя к строительству, созданию реальности...

Мы молча чокнулись.

И почему-то стало холоднее, хотя в Харькове отопительный сезон еще не закрыли...

Три часа ночи — это такое время, когда даже холодильник начинает работать тише, будто боится помешать. На кухне стояла лампа под жёлтым абажуром. Свет — как в старых фильмах: полумрак, тени длинные, лица усталые и умные.

Стол был завален чертежами. Листы не бумага — будто кожа или тонкий картон с перламутром. Линии — идеальные, словно их не рисовали, а выращивали.

Я тер переносицу. Глаза уже слипались.

Викронта сидела на краю стола, листая один из свитков. Джинсы на ней были настолько обтягивающие, что казалось, ткань просто передумала быть тканью и стала второй кожей. Когда она наклонялась к лампе, чтобы рассмотреть символы, я терял научный фокус...

Василий Иванович мрачно хмыкнул, допил коньяк и аккуратно поставил бокал.

— Ну что... — сказал он и поправил очки. — Начинает проясняться.

Мы с Виктортой одновременно подняли головы.

— Рад, что хоть кому-то, — буркнул я. — Потому что у меня ощущение, что я читаю инструкцию к инопланетному чайнику.

Викронта усмехнулась:

— Не ной, Виталий. Ты четыре часа назад доказывал, что это просто «старый техпроект».

— Я был молод и наивен. Это было... вчера.

ВИ разложил три листа веером.

— Смотрите. Технологии предыдущей цивилизации... кардинально отличались от наших.

Он постучал карандашом по схеме.

— Атмосферный эфир как источник энергии. Холодный ядерный синтез. Квантовая...
— он прищурился, — ...магия тонких вибраций.

— Магия? — я поднял бровь.

— Называй как хочешь. Физика, которую мы ещё не догнали...

Он говорил спокойно, но голос стал тяжелее.

— И из этого следует простой вывод. Такое возможно только при высоких духовных критериях общества. Без войн за нефть. Без идиотов с кнопками. То есть народ просветлен в полном смысле слова...

— То есть, — протянула Викронта, — раньше люди были умнее нас и духовнее?

— И воспитаннее, — добавил я. — Не мусорили в метро.

ВИ усмехнулся.

— Кстати о метро. Харьковский метрополитен... — он постучал по плану, — это не просто транспорт. Это, по сути, заброшенная сеть подземных коммуникаций той эпохи. Дорожные артерии. Складские зоны. Технические залы...

Он перевернул лист.

Там были десятки помещений, туннелей, ответвлений.

— И мы даже половину не исследовали, — тихо сказала Викронта.

— Именно. Неизвестно, что там ещё лежит.

Тишина.

Где-то на улице проехала машина...

— Нужно официальное разрешение на полное исследование, — продолжил ВИ. — Это беру на себя. У нас также есть спецгруппа специалистов широкого профиля...

Я уже чувствовал подвох.

— И да, Виталий, — он посмотрел прямо на меня, — в группу включаем тебя.

— Я знал, что добром это не кончится.

— И Янину.

Я невольно улыбнулся:

— А вот это уже звучит как повод жить.

Викронта фыркнула:

— Ты бы так радовался работе, как девушкам.

— Я многозадачный.

Она слезла со стола, прошла к плите налить кофе. Шаги мягкие, уверенные. Я поймал себя на том, что слежу взглядом.

Она обернулась:

— Если ещё раз так будешь пялиться, будешь сам разбирать эти символы до утра.

— Я исключительно научно оцениваю геометрию.

— Геометрию, говоришь? — она рассмеялась. — Вот и займёшься тригонометрией подземных тоннелей.

ВИ кашлянул, возвращая нас к реальности:

— Объект берём под охрану. Вооружённую. Никто посторонний туда не сунется.

Он сделал паузу и добавил:

— И да. Предвижу твой вопрос, Виталий. Все «ядерные печи» уже у нас в лабораториях. Изучаем.

Я выдохнул.

— Слава богу. Потому что таскать в рюкзаке древний реактор — так себе хобби.

— Не переживай, — сказала Викронта, протягивая мне кружку. — Тебе максимум дадут фонарик... и самую тёмную шахту.

— Вот за что я тебя люблю, так это за поддержку.

Она подмигнула:

— Я реалист.

ВИ собрал чертежи.

— Ладно, команда. Спать три часа.

Он посмотрел на нас строго.

— А это уже не приключение. Это операция.

Я глянул на стол, на странные символы, на тёплый свет лампы... и почему-то почувствовал знакомое детективное покалывание.

Когда мир становится не слишком логичным — значит, рядом спрятана тайна.

И, судя по планам метро, она размером с целый подземный город.

— Ну что, — сказал я, — если древняя цивилизация правда существовала...

— ...то они точно не рассчитывали, что разбираться с их технологиями будем мы, — закончила Викронта.

— Им очень не повезло, — вздохнул я. И мы все засмеялись.

Глава 12 И опять удивительный сон...

Я крутился....сон не шел...Мысли были вокруг предыдущей цивилизации, простыня уже стала похожа на карту боевых действий — смятая, холодная, скомканная. Сон не шёл. Даже близко не подходил. Стоял где-то за дверью и ехидно курил...

Часы на кухне тикали так громко, будто специально. Тик. Тик. Тик.

Каждый щелчок — как молоток по вискам.

Мысли ходили по кругу.

Предыдущая цивилизация. Чем больше я вспоминал чертежи, ту странную бумагу, эти «печи», эти идеальные линии, тем яснее становилось — это не просто «древность».

Это было слишком аккуратно, слишком технологично. Не примитив. Не «каменный век с колоннами». Нет. Это была инженерия. Высокая. Точная.

Энергополе земли. Атмосферное электричество. Купола. Резонаторы. Каменные конструкции, которые на самом деле работали как устройства. Храмы — как генераторы.

Обелиски — как антенны. Арки — как направляющие волны.

И при этом...

Дух.

Станный, упрямый дух во всём. В архитектуре, где каждая линия — не ради красоты, а ради смысла.

В статуях, где лица были спокойные, будто они знали что-то, чего мы давно не знаем. Так не строят варвары. Так строят люди, которые понимают мир глубже нас.

Я закрыл глаза. И из памяти полезли картинки. Засыпанные этажи. Дома, у которых первые уровни под землёй, словно их утопили... Окна, ставшие подвалами.

Целые улицы, будто их присыпали гигантской лопатой. Города, похороненные аккуратно. Системно. Не катастрофа. Не наводнение. Слишком ровно. Слишком... методично.

Как уборка. Как зачистка. И вот тут становилось по-настоящему не по себе. Если это была война — где следы? Если катаклизм — где хаос? А тут... Будто кто-то сказал:

— Стираем. Всё. С нуля.

Я перевернулся на спину. Потолок смотрел на меня серым квадратом.

— Кому вы мешали... — пробормотал я в темноту.

В голове всплыли чертежи из метро. Та самая «печь». Надписи. Символы. Это не музейные артефакты. Это рабочие устройства. И если они до сих пор работают...

Значит, технология не умерла. Её спрятали. А если что-то прячут — значит, боятся. Вопрос только: кто боится? И кого?

Я сел на кровати.

В груди было странное чувство — смесь азарта и холода. Такое бывает перед хорошей дракой или перед большим открытием. Или перед тем, как тебя собираются пристрелить.

— Ладно... — прошептал я. — Допустим, цивилизацию убрали. Историю переписали. Здания закопали. Технологии засекретили...

Тогда следующий вопрос простой. Кому это выгодно? Тому, кто пришёл после. Тому, кто не умеет строить такое же. Тому, кто боится, что люди узнают, как всё работало на самом деле.

Потому что тогда... Никакая власть долго не продержится.

Я усмехнулся.

— Отлично, Виталий... — сказал я себе. — Ты либо раскрыл заговор тысячелетия... либо тебе пора меньше пить коньяк с Викронтой.

В этот момент на кухне тихо скрипнул пол. Кто-то прошёл. Лёгкие шаги. Я замер.

Потом знакомый голос, сонный, хриловатый:

— Ты опять не спишь?

Викронта. Конечно.

— Думаю, — ответил я.

— Это слышно. Ты думаешь громче холодильника.

Она появилась в дверях, в длинной рубашке, с растрёпанными волосами. Полутень, полусвет. Как призрак домашнего уюта.

— И до чего додумался, профессор? — спросила она.

Я посмотрел на неё и вдруг понял: вот ради таких людей и стоит лезть во всю эту древнюю чертовщину.

— До того, — сказал я тихо, — что кто-то очень давно закопал целый мир. И мне почему-то кажется, что мы только что наступили на его крышку.

Она прищурилась.

— Звучит как начало очень плохого утра.

Я кивнул.

— Или очень хорошего расследования.

Она усмехнулась:

— Тогда иди на кухню. Сделаю кофе. Конец цивилизаций лучше обсуждать с кофеином.

И знаешь... Когда я уснул? И не заметил этого перехода?...

Я уселся на кухонном стуле поджав левую ногу под пятую точку... и у меня чуть не отвалилась челюсть... напротив сидела понятно в каком виде Фиона и с учительским голосом Викронты произнесла:

- Ну что ж продолжим.. Тебя интересует тема захвата предыдущей цивилизации и её переформатирование? Произошло это примерно по таким алгоритмам - привычка сильнее страха, сильнее боли, сильнее логики. Когда сознание привыкает, оно перестаёт задавать вопросы. Именно на этом и будет построена стабильность созданного нового порядка. Изменения будут вводиться постепенно, под видом заботы, удобства, прогресса. Каждый шаг мал, каждый сдвиг почти незаметен, но в сумме они сформируют замкнутое пространство, из которого не видно выхода.

Язык будет главным инструментом. Смыслы слов изменят, определения размоются, границы понятий исчезнут. Свободу назовут безопасностью, контроль-ответственностью, подчинение - выбором. Когда названия потеряют связь с сутью, сопротивление станет невозможным, потому что даже мысль о нём не может быть сформулирована.

Образование превратят в тренировку памяти без понимания, любопытство станет помехой, сомнения — угрозой, самостоятельное мышление отклонением. Способных видеть связи будут изолировать не только физически, а социально: лишая голоса, статуса, доверия. Толпа сама выполнит эту работу, считая её моральной.

История будет переписываться не через запреты, а через избыточность. Поток версий утопит истину, сделает ее неотличимой от вымысла. Когда все возможно, ничто не имеет веса. Прошлое станет набором фрагментов, из которых каждый выберет удобный, не замечая общей картины.

Технологии станут продолжением привычек. Устройства будут сопровождать человека с детства, подстраивать под эмоции, желания и страхи. Алгоритмы научатся предугадывать реакции раньше, чем они осознаются. Решения будут приниматься автоматически, оставляя ощущение личного участия, хотя выбор уже сделан заранее.

Экономическая зависимость закрепит структуру, долг станет нормой, нестабильность фоном, выживание - целью. В таком состоянии не ищут смыслы, не строят долгосрочные планы, не объединяются. Каждый будет занят сохранением собственно хрупкого равновесия.

Разделение усилят через идентичности. Людей научат видеть различия прежде общности. Любое объединение будет допустимо лишь в рамках заранее определённых форм, не представляющих угрозы системе. Конфликт станет постоянным шумом, скрывающим источник напряжения. Когда появятся признаки пробуждения, их объявят опасными. Не через насилие, через насмешку, дискредитацию, переопределение... Идеи, способные разрушить конструкцию, превратят в карикатуру, лишённую серьёзности. Те, кто мог бы слышать, отвернутся сами.

В конечном итоге контроль станет невидимым, потому что будет восприниматься как естественное состояние. Целые поколения вырастут внутри этой реальности, не имея опыт с чем сравнить. Клетка не будет ощущаться клеткой, если никогда не видели открытого пространства...

Именно так и завершается цикл этой цивилизации: не через захват, а через согласие; не через принуждение, а через принятие; не через тайну, а через обыденность. Эта конструкция будет стоять и процветать пока остаётся неосознанной.

И только понимание способно её разрушить, поэтому понимание будет самым редким и самым опасным ресурсом для системы ...

Глава 13 Подземка

Мы, с Василием Ивановичем вышли из квартиры. Викронта помахала нам ручкой... я кивнул в ответ. Василий Иванович как-то хмуро глянул на меня и сказал: «У меня мало времени спускаемся медленно... Наш отдел работает на Предиктора, мы зачищаем все «аномалии» этого слоя реальности. Практически, так скажем в нашем распоряжении все силовые структуры и структуры так называемой «власти». Наша задача проста - на всех уровнях придерживаться заданным «сверху» алгоритмам сценарного плана... Сейчас с группой мы будем исследовать станцию «Одесская» которая в стадии «строительства» ...То что мы якобы обнаружим не должно тебя пугать и то что будет дальше тоже. И да... Янина как ты наверное уже догадался тоже наш агент...

Мы спустились по временному лифту, который уже успел покрыться серой цементной пылью, будто ему было не три месяца, а лет тридцать.

Станция «Одесская» ещё не существовала официально. На схемах — пустое место.

Внизу — целый мир.

Лампы аварийного освещения висели через каждые метров двадцать и светили так, словно им самим было страшно. Желтоватые круги света тонули в сырой темноте.

Капала вода. Глухо. Медленно. Кап... кап... кап.

Звук гулял по тоннелю, будто шаги кого-то невидимого.

Впереди шёл Василий Иванович. Смотрелся он как прораб апокалипсиса. За ним — двое ребят из охраны. Я шёл третьим. Рядом — Янина.

И вот странная штука: чем глубже мы спускались, тем сильнее давило внутри, но стоило мне краем глаза заметить её силуэт — узкая талия, чёткая линия спины под курткой, уверенная походка — и дыхание выравнивалось. Как будто она была не человеком, а точкой гравитации.

Ты слишком тихий, — шепнула она.

Думаю.

Плохая привычка под землёй. Тут лучше стрелять, чем философствовать.

Я усмехнулся:

-Успокаиваешь, как всегда.

Она чуть толкнула меня плечом. Тёплая. Живая. Это почему-то казалось важнее фонаря.

Первую аномалию заметил охранник.

- Стойте... — прошептал он.

Мы замерли.

Луч фонаря скользнул по стене... и я нахмурился. Кабель. Свежий. Но поверх него — ржавчина. Глубокая. Слоистая. Как будто ему лет пятьдесят.

— Это что за фокус? — буркнул Василий Иванович. — Его вчера прокладывали.

Я провёл пальцем по изоляции.

Пыль. Старая, слежавшаяся.

— Похоже, он тут давно, — сказал я.

— Не смейся, — отрезал он. — Я лично давал команду на его прокладку...

Мы переглянулись.

Янина тихо:

— Значит, либо мы тупые... либо время здесь кривое.

Прекрасный выбор, ничего не скажешь. Чем дальше — тем хуже. Шаги начали звучать... странно.

Иногда эхо возвращалось раньше, чем мы ступали. Иногда — через пару секунд. Будто тоннель путался, когда ему отвечать.

Один раз я отчётливо услышал **шестой шаг**. Хотя нас было пятеро.

Я остановился.

— Вы слышали?

— Что? — Янина.

— Кто-то идёт за нами.

Все замерли. Тишина. Только вода. Кап... кап... И где-то далеко — будто скрежет металла.

Как ногтем по стеклу. Потом появились тени. Не от нас. Фонари светят вперёд — а по стене, сбоку, пробегает силуэт. Человеческий. Но длиннее. Слишком длинный. Как будто его растянули.

Один из ребят выругался:

— Да ну к чёрту...

— Свет ровно держи, — холодно сказала Янина. — Паника — самый короткий путь в гроб.

Говорит спокойно, а сама ближе ко мне стала. Почти плечом касается. И, чёрт возьми, от этого реально легче. Как будто мир всё ещё нормальный, пока она рядом.

Развилка. Три тоннеля. Но план показывал только два. Третий был... лишним.
Старый бетон, другой оттенок, будто его лили лет сорок назад. И воздух оттуда холоднее.
Прямо мороз по коже.

— На плане его нет, — сказал я.

Василий Иванович сплюнул:

— Значит, кто-то очень не хотел, чтобы он был.

Янина посмотрела на меня:

— Куда?

Я пожал плечами:

— Если прячут — значит, там что-то интересное.

Она улыбнулась:

— Вот за это тебя и ненавижу. Пошли.

Мы вошли.

Шагов через двадцать стало тихо. Слишком тихо.

Даже капли пропали. Звук будто... поглощался. Фонари начали мерцать.

И тогда мы увидели её.

Дверь.

Не строительная. Не техническая. Высокая. Металлическая. С клёпками, как на старых бункерах.

И поверхность... Не ровная. Будто её ковали вручную. А по краям — символы. Не буквы. Не цифры. Что-то геометрическое. Повторяющийся узор. Словно чертёж. И одновременно — предупреждение.

Я коснулся металла. Лёд.

— Виталий... — тихо сказала Янина. — У меня ощущение, что она старше самого метро.

— У меня ощущение, что она старше города, — ответил я.

Охранник нервно:

— Может, ну его? Вернёмся?

Тишина.

Я посмотрел на Янину. Она — на меня. В её глазах был страх. Но и азарт. Тот самый.

— Откроем? — спросила она.

Я усмехнулся:

— Если это плохая идея...

— ...значит, точно наша, — закончила она.

Василий Иванович вздохнул:

— Ладно, археологи чёртовы. На счёт три.

Мы взялись за массивную ручку. Металл скрипнул. Звук прошёл по тоннелю так, будто кто-то проснулся. Глубоко. Очень глубоко.

— Раз...

— Два...

— Три.

Дверь медленно пошла внутрь. И из щели пахнуло воздухом. Сухим. Старым. Не подземным.

Как будто... откуда-то **не отсюда**.

Глава 14 Этот фантастичный мир...

Дверь закрылась за нами тяжёлым глухим вздохом. Не хлопок. Не щелчок. Именно **вздох** — будто камень устал держать тайну. Полумрак коридора оборвался, и перед нами распахнулось пространство.

— ...ничего не бойтесь, — тихо прошептал Василий Иванович.

Голос его неожиданно прозвучал мягко. Почти по-отечески.

Я шагнул первым. И замер.

— Да ну... — выдохнул я.

Это был не зал. Это был **храм**. Нет... хуже. Красивее. Нереальнее.

Если бы Миланский собор вдруг сошёл с ума и решил стать дворцом какого-нибудь забытого императора — получилось бы именно это.

Потолки уходили так высоко, что шея начинала ныть, пока пытаешься разглядеть вершину.

Метров тридцать... сорок... может больше.

Своды — стрельчатые, готические, как в Дуомо.

Каменные рёбра переплетались, будто гигантские кости какого-то древнего зверя.

И всё — **золото**. Не краска. Не позолота. Настоящее, тёплое, густое золото, как мед на солнце.

Колонны поднимались вверх, как стволы секвой. Каждая — вырезана вручную: ангелы, звери, странные фигуры, символы, которых я раньше не видел. Некоторые лица... казались живыми.

Я поклялся бы, что один из каменных стражей только что повернул голову.

— Это метро? — хрипло спросил я. — Или мы умерли по дороге?

Янина тихо усмехнулась, но даже её смех звучал шёпотом.

Слева и справа тянулись витражи. Огромные.

Не окна — **стены из света**. Красные, синие, изумрудные стекла. Солнца тут не было, но витражи светились сами, будто внутри них текла кровь. Фигуры на них не были святыми. Там были: какие-то созвездия, люди в странных масках, города под землёй, спирали, знаки, похожие на те, что мы видели на чертежах

— Похоже на Дуомо... — прошептала Янина. — Только... неправильный.

Я понял, что она имеет в виду.

Всё слишком идеально. Слишком симметрично. Слишком... древне.

В центре зала проходила тонкая бронзовая линия.

Я пригляделся.

— Меридиана... — сказал Василий Иванович. — Как в Милане.

И правда. В потолке — крошечное отверстие. Из него падал узкий луч света.

Он скользил по полу и попадал точно в выгравированные знаки.

Но это были не зодиак. Там были странные символы — геометрия, спирали, треугольники, какие-то формулы. И луч медленно двигался. Будто часы. Будто **этот зал всё ещё работает**. Как механизм.

Тишина стояла такая, что слышно было, как у меня в ушах пульсирует кровь.

Я поймал себя на том, что держу Янину за рукав. Неосознанно.

Она не отстранилась.

— Виталий... — тихо сказала она. — Ты чувствуешь?

— Что именно?

— Как будто мы здесь... не первые.

В этот момент где-то под сводами прошёл глухой металлический звон. Далёкий. Как шаги. Медленные. Тяжёлые. Колонны отбросили длинные тени. И на секунду мне показалось, что одна из теней **двинулась отдельно от колонны**. Не по законам света. Сама по себе.

Василий Иванович медленно снял очки, протёр стекла платком и сказал совершенно буднично:

- Ну что ж..., мы сейчас на нейтральной территории дипломатической миссии межреальностей, это по сути переходной портал... Сейчас появятся представители параллельной реальности, у нас с ними дипломатические отношения...

И почему-то от этих слов стало холоднее, чем в тоннелях.

Я стоял посреди этого золотого безумия и вдруг понял странную вещь.

Мне не страшно. Мне... **тесно**. Как будто всё, что я знал о мире — квартира на Скоророды, кофе по утрам, стройка, чертежи, зарплаты, метро, пробки, новости — всё это было коробкой из-под обуви.

И вот кто-то просто снял крышку. И показал, что коробка стоит посреди бесконечного склада.

И таких коробок - миллионы.

Голова начала шуметь. Сначала тихо. Потом всё сильнее. Я смотрел на колонны. На витражи. На эту чёртову меридиану. И вдруг до меня дошло. Это не «красиво». Это **невозможно**. Так не строят. Так не могут. Ни Метробуд. Ни армия. Ни государство.

Это уровень цивилизации, которая либо на тысячи лет впереди.....либо вообще **не наша**.

— Василий Иванович... — голос у меня предательски сел. — Вы ведь знали?

Он не сразу ответил.

Просто прошёлся по залу, как человек, который уже сто раз здесь был. Провёл рукой по колонне.

Как по перилам родного подъезда.

— Знал, — спокойно сказал он.

Спокойно.

Как будто речь о погоде.

Что-то внутри меня щёлкнуло.

— Знал?!

— И вы нас сюда... просто... привели?!

— А куда ещё, Виталий? — он посмотрел на меня почти устало. — Рано или поздно ты всё равно бы увидел.

— Увидел ЧТО?!

Тишина.

Даже эхо будто не хотело повторять мои слова.

Василий Иванович кивнул вверх, на своды.

— Это не подземелье.

Это узел.

— Узел чего?

— Миров.

...и всё. Слово ударило сильнее, чем если бы он дал мне по лицу. **Миров**. Не «объект». Не «секретный комплекс». Не «база». Миров.

Я усмехнулся. Нервно.

— Параллельные вселенные, что ли? Как в фантастике?

— Не «как». А именно они.

И он сказал это так буднично, будто сообщил, что завтра снег. Мозг отказался принимать.

Начал отбиваться. Это бред. Конспирология. Галлюцинация. Газ в тоннелях. Я сплю.

Но витражи светились. Луч двигался. Камень был холодным под ладонью. Слишком реальным.

— Между мирами есть переходы, — продолжал он. — Не везде. В редких точках. Такие места... строили веками. Некоторые — тысячи лет.

— Кто строил?..

— Не только мы.

Меня пробрал холод.

— Подождите... вы хотите сказать... мы тут не одни?

— Никогда не были.

Тишина снова сжалась. Я вдруг вспомнил чертежи. Странную бумагу. Другой язык. Те символы.

— Это... не древние чертежи, да?

— Нет, — мягко сказал он. — Это техническая документация.

— Чья?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— наших соседей.

Слово «соседи» прозвучало хуже любого «монстра». Потому что соседи — это те, кто живёт рядом.

Значит... Они рядом. Всегда были рядом. Я почувствовал, как внутри что-то трескается. Будто стекло. Всё, во что я верил - физика, история, логика - пошло паутиной трещин. Я инженер. Я привык, что: два плюс два — четыре, бетон держит нагрузку, метро - это просто тоннели.

А тут...

Миры.

Дипломатия.

Контакты.

Какой-то чёртов межмировой МИД под Харьковом.

— Подождите... — я сглотнул. — Вы сказали... узел. Это что... граница?

— Транзитный пункт, — кивнул он. — Иногда торговля. Иногда обмен знаниями. Иногда... переговоры.

— Переговоры... с кем?!

— С теми, кто старше нас. И с теми, кто моложе.

Я засмеялся. Глупо. Почти истерично.

— Отлично. Просто прекрасно. Значит, пока я тут... вы тут, получается, послом работали?

Он посмотрел прямо мне в глаза. И впервые за всё время я увидел в нём наставника. Не начальника, а человека, который слишком много видел.

— Формально, — сказал он тихо, — у меня статус чрезвычайного представителя. Полномочия уровня правительства. Иногда выше.

У меня перехватило дыхание.

— Вы... шутите?

— Если бы.

— То есть... вы можете... что?

Он пожал плечами.

— Закрыть переход. Открыть. Подписать соглашение. Разрешить контакт. Или запретить его.

В некоторых случаях... объявить карантин целому миру.

Мне стало по-настоящему плохо. Не от страха. От масштаба. Мой мир вдруг оказался не центром.

Даже не страной. Даже не планетой. А просто... одной клеткой в гигантском организме.

И всё, чем я жил — было смешным.

Мелким. Как муравьиные разборки.

Я опустил на край ступени. Руки дрожали. Янина тихо села рядом. Тёплая ладонь легла на мою.

И вот странно — именно это удержало меня от того, чтобы не развалиться окончательно. Не золото. Не собор. Не тайны Вселенной.

А её пальцы. Живые. Реальные.

— Вит... — прошептала она. — Дыши.

Я выдохнул. Медленно.

Если есть тысячи миров... человечество — не единственное... метро Харькова — это дипломатический коридор... то моя жизнь только что перестала быть случайной.

И это пугало сильнее всего. Потому что если Василий Иванович привёл *именно меня*... значит, я здесь зачем-то нужен.

— И что теперь? — спросил я хрипло.

Он улыбнулся уголком губ.

— Теперь, Виталий... тебе придётся сильно расширить представление о должностных обязанностях оперативника.

Где-то под сводами снова прошёл тяжёлый шаг. Не эхо. Не звук механизма. Шаг. Чужой.

И я впервые подумал: а вдруг дипломатия — это не самое страшное, что может случиться между мирами... Зал будто выдохнул.

Только что стояла тишина — густая, музейная, как под стеклом. И вдруг воздух дрогнул.

Не звук. Не свет. Скорее... **сдвиг**. Как если бы кто-то невидимый провернул огромную шестерню в пространстве. По мраморному полу прошла рябь. Буквально рябь — как по воде. Я моргнул.

И по обе стороны зала начали **проявляться люди**. Не вошли. Не вышли из дверей. А именно проявились — как старые фотографии в проявителе. Сначала тени. Потом силуэты. Потом ткань, лица, детали. Будто реальность дорисовывала их слой за слоем.

Слева — трое мужчин. Длинные тёмные сюртуки. Жёсткие воротнички. Чёрные жилеты с цепочками часов. Ткань плотная, тяжёлая — такая сейчас только в музеях лежит. Один с аккуратной бородкой клинышком. Другой — с бакенбардами, как у дореволюционного инженера.

Третий — совсем молодой, но с такой выправкой, будто он родился уже чиновником. Справа — ещё трое. Двое мужчин и женщина. Женщина в тёмно-синем платье с высоким воротом и кружевными манжетами. Волосы собраны в строгий узел. Очки на тонкой металлической оправе.

Не дама. Скорее — учёный. Или секретарь дипломатической миссии. Все двигались спокойно.

Без паники. Без удивления. Словно мы — это странность.

А не они.

Потом появились **столы**.

Тяжёлые. Дубовые. С резными ножками. С царапинами времени. Их буквально ставили из воздуха.

Человек делает шаг — и под его руками уже стоит стол. На столы легли кожаные папки.

Чернильницы. Песочницы. Стопки бумаги с желтоватым волокнистым краем. И...

Печатные машинки. Старые. Механические. «Underwood». Чёрные, блестящие, с латунными буквами. Одна щёлкнула. Кто-то проверил ход клавиш. Звук в тишине прозвучал как выстрел.

КЛАЦ.

У меня по спине пробежали мурашки.

— Здесь электроприборы не работают, — тихо сказал Василий Иванович. — Никогда не работали.

Я машинально посмотрел на потолок.

Ни проводов. Ни ламп. Только свет. Ровный. Без источника.

— То есть... — я сглотнул. — Это у них... постоянное представительство?

— Можно и так сказать, — буркнул он. — Архивно-дипломатический сектор. Девятнадцатый век у них базовый технологический стандарт. Надёжнее. Ничего не «глючит».

— Вы сейчас серьёзно говорите «глючит» про межмировую дипломатию? — прошептал я.

— Самое точное слово.

Янина придвинулась ближе.

Настолько близко, что я чувствовал тепло её плеча сквозь ткань куртки.

— Виталий... — тихо.

— М?

— Ты это тоже видишь? Не только я?

— К сожалению, да.

— Это не галлюцинация?

— Если галлюцинация, то коллективная и очень дорого обставленная.

Она нервно усмехнулась.

Но пальцы всё равно нашли мою ладонь. Сжала. Крепко. И странно — сердце сразу стало биться ровнее.

За столами люди уже работали. Один аккуратно заправлял лист в машинку. Другой макал перо.

Третий сортировал папки с ярлыками:

«Переходы»

«Инциденты»

«Наблюдение. Сектор 4»

Я почувствовал, как внутри всё холодеет.

Это не магия. Не культ. Не тайный орден. Это... **бюрократия**. Самое страшное. Если есть бумажки — значит, это давно. Если давно — значит, система.

А если система... Значит, мы тут вообще никто.

— И сейчас выйдет их представитель, — сказал Василий Иванович, поправляя воротник, как будто собирался на приём к министру. — Ведите себя спокойно. Не спорьте. Не шутите.

— Даже чуть-чуть? — спросил я.

— Особенно ты.

— Обидно.

— Зато честно.

Янина тихо фыркнула.

— Он нервничает, — сказала она.

— Я? Да я спокоен как... как...

— Как человек, который только что увидел межмировую канцелярию, — подсказала она.

— Вот именно.

И тут в дальнем конце зала открылась дверь.

Та самая. Узкая. Высокая. Которой раньше не было. Тяжёлый металл. Заклёпки. Символы.

Она раскрылась **без звука**. И из темноты вышел кто-то один. Шаги глухо отдавались по камню.

Медленно. Уверенно. Как человек, который знает: здесь всё принадлежит ему.

Василий Иванович тихо выдохнул:

— Ну всё... началось.

Янина прошептала:

— Виталий... только не делай глупостей.

— Я? Да я сама рассудительность.

— Вот это меня и пугает.

Я сглотнул. Мы смотрели как фигура приближается. И чем ближе — тем сильнее становилось ощущение, что сейчас решится не просто разговор.

А...чьей вообще является эта реальность.? А чьей является наша реальность...?

Глава 15 Такие повороты не для моей лошади...

Чтобы изменить документ по умолчанию, отредактируйте файл "blank.fb2" вручную.

Силуэт на противоположной стороне храма сначала был всего лишь тенью — плотной, почти материальной полосой темноты между колоннами.

Шаг. Ещё шаг.

Звук разносился по залу гулким ударом, будто сам храм отвечал эхом не в пространстве, а во времени. Каждый отзвук возвращался с задержкой — чуть искажённый, словно шагов было больше, чем один человек мог сделать.

В воздухе повисло напряжение.

Не страх — нет.

Ожидание.

Такое, от которого кожа на руках покрывается мурашками, а дыхание становится слишком громким.

Разноцветные лучи, проникавшие сквозь витражи, скользили по мраморным колоннам. Красный вспыхивал, как тлеющий уголь. Синий стекал прохладной тенью. Зелёный переливался, будто свет шёл сквозь воду. Блики разбивались о белый мрамор и рассыпались по полу сотнями дрожащих отражений.

Колонны казались живыми.

Словно храм дышал.

Я почувствовал, как внутри что-то сжимается.

Не от ужаса — от предчувствия.

Фигура приближалась. Сначала различались очертания плеч. Потом линия подбородка. Контур волос.

И вдруг свет упал прямо на лицо.

Я замер.

Навстречу мне шёл... я сам.

Тот же рост.

Та же осанка.

Та же линия бровей.

Но — другой.

Двойник был одет в безупречный костюм глубокого графитового цвета, ткань переливалась, словно в неё вплетены тончайшие нити света. Пиджак сидел идеально. Белоснежная рубашка без единой складки. Тонкий галстук цвета тёмного вина. Обувь блестела, отражая разноцветные лучи витражей.

И походка — уверенная. Спокойная. Без сомнений.

Внутри меня всё будто расколосось на две части.

Одна — отказывалась верить.

Другая — понимала.

Двойник остановился в нескольких шагах.

Улыбнулся.

Улыбка была моя. Та самая, чуть ироничная, с лёгким прищуром. Только в ней не было растерянности. Не было усталости. Не было внутреннего надлома, который я привык скрывать.

— Ну здравствуй, Виталий... — голос прозвучал мягко, но в нём чувствовалась глубина, будто он звучал одновременно здесь и где-то очень далеко. — Я долго ждал этой встречи.

Эхо повторило последнюю фразу, но уже без интонации — сухо, как приговор.

Я почувствовал, как сердце ударило слишком сильно. В висках застучало. Взгляд скользнул по лицу двойника, выискивая отличие. Шрам? Морщинку? Нечто, что выдавало бы подделку.

Ничего.

И вдруг пришло понимание — это не копия.

Это версия.

Возможная.

Реализованная.

Та, где выборы были другими.

Разноцветные лучи теперь падали на нас обоих, и казалось, что мы стоим внутри преломлённого спектра — как две грани одного кристалла.

Храм молчал.

Даже эхо больше не возвращалось.

Только два Виталия смотрели друг на друга — один с вопросами, другой с ответами.

В зале повисла странная пауза.

— Представьте меня, Василий Иванович, — спокойно сказал Виталий Два.

Или... Два — это я?

От этих слов даже воздух будто стал плотнее.

Василий Иванович, человек обычно собранный и ироничный, вдруг замялся. Он поправил воротник, кашлянул, сделал шаг вперёд... и неожиданно замер, словно подбирая интонацию. Его плечи распрямились не по привычке начальника стройки или куратора проекта, а по стойке человека, который сейчас будет говорить о ком-то очень важном.

Он даже слегка склонил голову.

В его глазах мелькнуло то самое выражение - осторожность перед «большой шишкой». Перед тем, от чьего слова может зависеть слишком многое.

— Позвольте представить... — голос его стал официальным, глубоким. — Виталий Васильевич Горцев. Глава Межгосударственной Ассоциации Народов Гаи.

Тишина.

Виталий — тот, что стоял рядом со мной, — медленно повернулся ко мне.

— Глава... чего? — тихо переспросил Я.

Виталий с Гаи смотрел на меня спокойно. В его взгляде не было ни превосходства, ни показной власти — только уверенность человека, привыкшего к масштабу.

— Межгосударственной Ассоциации Народов Гаи, — повторил он мягко. — Если переводить на ваши категории... я — избранный координатор всей планетарной администрации. Проще говоря — президент нашей Земли.

Я невольно усмехнулся.

— То есть... я сейчас разговариваю с собой... но версией, которая управляет планетой?

— Не управляет, — спокойно поправил тот. — Координирует. У нас нет единоличной власти в вашем понимании. Есть сеть континентальных советов, есть научные кластеры, есть энергетические союзы. Но окончательные решения по межпланетным контактам, безопасности и переходам между мирами — проходят через меня.

— Переходам... — тихо повторил Я.

Василий Иванович стоял чуть в стороне, всё ещё немного скованный, как будто присутствовал на встрече уровнем выше его допуска.

— Подождите, — Я провёл рукой по волосам. — Если ты — это я... то как?

Виталий с Гаи слегка улыбнулся.

— Расщепление вероятностей. В какой-то момент твоя линия развития пошла по иному сценарию. В нашей реальности технологический скачок произошёл раньше. Мы научились стабилизировать квантовые мосты. Объединение государств стало вынужденной мерой — иначе мы бы не пережили энергетический кризис двадцать первого века.

— У нас тоже был кризис, — тихо сказал Я.

— Да. Но у вас он привёл к раздроблению. У нас — к объединению.

Он подошёл ближе. Мы стояли почти вплотную — как отражение в слегка искажённом зеркале. Черты одинаковые, но взгляд разный. У одного — вопросы. У другого — решения.

— Ты знаешь о параллельных мирах с теоретической точки зрения, — продолжил Виталий с Гаи. — Но между ними есть не только физическая связь. Есть дипломатия. Соглашения. Наблюдение. И — ограничения.

— Ограничения на что?

— На вмешательство.

Я нахмурился.

— Тогда зачем вы здесь?

Виталий с Гаи выдержал паузу.

— Потому что ваша линия времени входит в зону нестабильности. И, по протоколу, я обязан лично оценить риски.

Я до сих пор помню, как изменился его взгляд.

До этого момента передо мной стоял уверенный лидер. Спокойный. Контролирующий ситуацию.

Но когда речь зашла о цели их визита — в его глазах появилась жёсткость.

— Есть ещё причина, по которой я здесь, — сказал Виталий из Гаи.

Я почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Какая?

Он не сразу ответил. Посмотрел на Василия Ивановича. Тот кивнул — тяжело, без обычной иронии.

И тогда мой двойник произнёс:

— В ваш слой реальности проник особо опасный преступник из нашего мира.

У меня внутри похолодело.

— Преступник? — переспросил я. — Какой ещё преступник?

Он сделал паузу.

— Она.

Слово повисло в воздухе.

— Она? — я невольно повторил. — Это... женщина?

— Да, — кивнул он. — Бывший сотрудник дипломатической миссии Гаи. Высокий допуск. Неоднократно бывала на вашей стороне официально — в рамках межслоевых контактов. Отлично знает вашу культуру, язык, ментальные паттерны. И именно поэтому она опасна.

У меня пересохло во рту.

— Что она сделала?

— Исчезла, — коротко ответил он. — Сорвала протокол, отключила маяк слежения и ушла в автономный режим. С тех пор не выходит на связь. Нашими структурами объявлена как особо опасный субъект.

— Мотивы?

— Неизвестны.

Он говорил ровно, но я чувствовал — за этим стоит серьёзность другого масштаба.

У меня внутри что-то едва уловимо дрогнуло.

— И чем она так опасна? — спросил я, стараясь держать голос ровным.

Виталий из Гаи медленно начал перечислять.

— Базовая подготовка дипломатического корпуса Гаи — это не только протокол и переговоры. Это стратегическая психология, нейролингвистическая адаптация, анализ поведенческих алгоритмов. Она входила в группу расширенного допуска.

— Расширенного — это как?

— Это значит, — сказал он тихо, — что она в совершенстве владеет рукопашным боем на уровне боевых офицеров. Не силовой стиль — точечный. Быстрое отключение противника. Работа с суставами, болевыми центрами, дыханием. Она способна обезвредить подготовленного человека за несколько секунд.

Я машинально сжал кулаки.

— Но это не главное, — продолжил он.

Его голос стал холоднее.

— Её основное оружие — сознание.

— В смысле?

— Психологическое управление. Глубинная эмпатическая разведка. Она считывает микродвижения лица, тембр голоса, паузы в речи. За несколько минут может выстроить карту твоих страхов, амбиций, скрытых комплексов. А дальше — мягкое внедрение.

— Внедрение чего?

— Мыслей, — ответил он. — Решений, которые ты примешь, считая их своими. Она не давит. Она не приказывает. Она создаёт иллюзию выбора.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Манипулятор?

— Высшего уровня, — кивнул он. — Она умеет становиться тем, кого ты хочешь видеть. Союзником. Жертвой. Вдохновением. Любовью.

Последнее слово он произнёс особенно тихо.

— Она способна развернуть целое сообщество через влияние на одну ключевую фигуру. Мы подозреваем, что её цель здесь — не хаос. Она всегда мыслит стратегически. Если она в вашем мире — значит, ей нужен ресурс. Человек. Или событие.

Он снова посмотрел на меня.

Слишком внимательно.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросил я.

Он не ответил сразу.

— Потому что она уже работала в вашем слое, — сказал он. — И у неё был интерес к... узловым личностям.

Василий Иванович тихо добавил:

— Виталий... если она выйдет на контакт — ты можешь даже не понять, что это контакт.

Я попытался усмехнуться.

— А вдруг она не враг? Вдруг у неё свои причины?

Виталий из Гаи медленно покачал головой.

— Я знаю её лично.

В этих словах было что-то тяжёлое.

— Она блестящий стратег. Холодный аналитик. И при этом — невероятно харизматична. Люди тянутся к ней. Доверяют. Открываются. А потом делают то, что ей нужно.

— И ты хочешь сказать... что она может быть уже здесь? Рядом?

Он ответил без колебаний:

— Да.

В зале снова стало тихо.

Я вдруг осознал — речь идёт не просто о беглой дипломатке.

Речь идёт о женщине, которая умеет управлять ходом событий через людей.

Через их слабости.

Через их чувства.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

Виталий из Гаи посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

Её надо найти и обезвредить. Но вы уже и так знакомы? Это ведь так? Её зовут Фиона...

«Ну... нет - подумал я - Такие повороты не для моей «лошади». Милая ...женственная ... и на тебе... Она ранена.. и лежит в больнице... А как же нападение...?».

Виталий из Гаи, как будто услышал мои мысли: «Да, Виталий, ты был очень рядом ...Боюсь, что уже сейчас её охранница и охранники уже мертвы, а цирк с нападением она и устроила со своим вероятным поделником, дабы проверить все ваши «красные линии» и ей зачем-то нужен ты ... Поэтому у нас просьба к вашему руководству и к тебе лично возглавить её поиск ...

-Аа... понятно ловим на живца !?-связил Я.

-Да... но другого выбора нет...

Полумрак собора был густым, как застывший дым. Свет, падавший сквозь витражи, дробился о пыль, зависшую в воздухе, и казалось, будто само время здесь движется медленнее. Где-то высоко, под сводами, шептались сквозняки, перекатываясь эхом по камню.

И вдруг — рык.

Не сразу понятно, чей. В нём было что-то львиное — низкое, грудное, с вибрацией в костях. Но следом прозвучала странная, ломкая нота — будто блеяние горного козла, и от этого звук стал ещё страшнее. Он не принадлежал ни одному существу, которое я знал.

Потом — цокот. Тяжёлый, размеренный. Когти били по каменному полу, и каждый удар отдавался в груди. А затем — протяжный, истошный вдох, словно из глубины колодца кто-то втянул в себя весь воздух собора.

Из полутьмы выступило существо.

Сначала — глаза. Два жёлтых огня, немигающих, внимательных. Потом очертания массивной головы. Тело — львиное, мускулистое, каждая мышца перекатывалась под кожей. Короткие, но мощные рога загибались назад, как у древних идолов. Огромные лапы с длинными когтями — между пальцами тянулись перепонки, влажно поблёскивающие в свете витражей. Крылья аккуратно сложены на спине, плотные, будто высеченные из чёрного мрамора. Длинный хвост извивался медленно, и на его конце зловеще покачивалось скорпионье жало.

Я слышал, как Янина резко втянула воздух. Василий Иванович сделал шаг назад — осторожно, не отрывая взгляда. А я... я стоял, как вкопанный. Ни шагу. Ни вдоха.

Существо шло медленно, издавая те самые истошные звуки — не угрожающе, а скорее... тревожно. Как если бы мир вокруг был для него слишком тесным.

Оно подошло к Виталию Два.

И вдруг — мягко ткнулось лбом в его штанину. Как соскучившийся за хозяином кот. Я не поверил глазам.

Виталий Два наклонился, положил ладонь на его рог и произнёс что-то на незнакомом языке — звуки были шершавые, древние, будто высеченные из камня. Существо послушно опустилось рядом с ним, обвило лапы хвостом и уставилось на нас немигающими жёлтыми глазами.

В этом взгляде не было ярости.

Только любопытство.

И сила.

— Это хив, — тихо сказал Виталий Два. — В вашем мире их называют химерами.

Слово эхом отозвалось под сводами.

Химера.

Я вдруг вспомнил изображения на древних барельефах, в старых книгах, в легендах. Чудовища, стражи, проклятые существа. И вот одно из них сидело передо мной — живое, тёплое, дышащее.

— Они наши помощники, — продолжил он. — Волшебные, магические существа. Они защищают пределы нашей реальности.

Хив чуть склонил голову, словно понимал каждое слово.

— В вашем мире они жили раньше. Долго. До тех пор, пока... — Виталий Два впервые замялся.

В соборе стало ещё тише.

— Пока не было применено магическое оружие.

Слова упали тяжело.

— Оружие, способное не убивать... а превращать сущность в камень. Не только плоть — саму природу, саму искру. Они и не только они... застыли.

Я сглотнул. Перед глазами вспыхнули образы: горные утёсы, причудливые скалы, статуи в заброшенных местах. Каменные львы у входов в древние храмы. Гаргульи на крышах соборов.

Я медленно поднял взгляд к мрачным фигурам под сводами.

— Орывки применения этого оружия, — тихо сказал Виталий Два, — не стёрты даже в вашем святом писании.

Сердце глухо ударило.

Каменные столбы. Огненные столпы. Города, обращённые в соль. Жёны, ставшие статуями. Проклятые долины.

Янина прошептала что-то неслышное.

Хив внезапно издал низкий звук — не рык, а что-то вроде печального гула. Он смотрел на нас, и в его жёлтых глазах я вдруг увидел не чудовище.

А память.

Василий Иванович стоял напротив Виталия Два чуть боком, словно не решался подойти вплотную. В его руках был тот самый рюкзак — тёмный, потёртый по краям, с чуть перекошенной молнией. Казалось странным, что такая обыденная вещь сейчас выглядела почти как артефакт, предмет передачи, зафиксированный самой реальностью.

Он протянул рюкзак медленно, почти торжественно.

Виталий Два принял его без слов. Их пальцы на мгновение соприкоснулись — коротко, деловито, будто это была не встреча двух людей, а передача полномочий.

Хив всё это время стоял рядом.

Существо больше не издавало тревожных звуков. Оно выглядело спокойным — если вообще можно было назвать спокойным существо, не принадлежащее нашему миру. Оно слегка наклонило голову и приблизилось к рюкзаку. Длинная шея вытянулась, и оно осторожно втянуло воздух, словно принюхиваясь.

Не резко.
Не настороженно.
Скорее... внимательно.
Как собака, проверяющая знакомый запах.

Его ноздри чуть дрогнули. Потом ещё раз. Хив тихо фыркнул — звук получился мягким и почти домашним, совсем не таким, каким он был раньше.

Виталий Два машинально провёл ладонью по его шее.

— Всё в порядке, — негромко сказал он, будто не нам, а именно ему.

Я стоял в самом конце зала и видел всё это как будто из глубины сцены. Слишком далеко, чтобы вмешаться. Слишком близко, чтобы считать происходящее сном.

По обе стороны зала продолжали работать секретари.

Ряды людей в одеждах девятнадцатого века сидели за длинными столами — по два с каждой стороны. Их сюртуки и платья казались чужими в этом месте, но двигались они уверенно, будто находились здесь всегда.

Печатные машинки не умолкали ни на секунду.

Клац.

Клац-клац.

Дзынь.

Металлические рычажки поднимались и опускались с механической точностью. Иногда кто-то переворачивал лист — сухой шорох бумаги звучал особенно громко между ударами клавиш.

Они не смотрели на нас.

Ни разу.

Словно мы были не людьми, а диктовкой.

Я заметил, что у одного из них пальцы двигались чуть быстрее остальных. У другого губы едва заметно шевелились, будто он беззвучно повторял текст. Женщина в тёмном платье время от времени поправляла лист, выравнивая его строго по краю.

И все печатали.

Без остановки.

Виталий Два обернулся ко мне.

— Это секретари-статисты, — сказал он спокойно. — Они фиксируют всё в протоколы...

Я молчал.

— Все диалоги, — продолжил он. — Все события. Все отклонения.

Где-то справа снова звякнул колокольчик машинки.

— Зачем? — наконец спросил я.

Он чуть улыбнулся — не весело, а скорее устало.

— Чтобы потом никто не спорил о том, что было сказано.

Один из секретарей в этот момент резко ударил по клавише, будто поставил точку.

Виталий Два поправил ляжку рюкзака на плече.

— На сегодня достаточно, — сказал он.

Он говорил это так буднично, словно мы были на совещании, а не в зале, где сама реальность вела протокол.

— Дополнительные инструкции ты получишь у Василия Ивановича...

Василий Иванович слегка кивнул, будто это уже было согласовано заранее.

Хив тихо переступил с ноги на ногу. Каменные плиты под ним чуть глухо отозвались.

— Пойдём, — сказал ему Виталий Два.

И странно — но Хив послушался сразу.

Они направились к выходу между столами. Никто из секретарей не поднял головы. Только машинки продолжали стучать, будто ускоряясь.

Клац-клац-клац. Дзынь. Шорох бумаги.

Разноцветные лучи из высоких окон падали на спину Виталия Два и на шею Хива, и на мгновение мне показалось, что они оба становятся полупрозрачными — как изображение на стекле.

Потом свет сместился. И всё стало обычным. Они дошли до двери. Не оборачиваясь. Дверь открылась почти без звука. Хив прошёл первым. Виталий Два — следом.

И они исчезли. Дверь закрылась. Но машинки продолжали печатать.

Я стоял в конце зала.

Один.

Слишком много вопросов теснилось в голове. Они были тяжёлыми, липкими, как непроговорённые слова. Хотелось спросить сразу всё — про двойника, про хива, про секретарей, про протоколы, про рюкзак, про то, что вообще происходит, про прошлое этого мира...

Но отвечать было некому.

Только Василий Иванович стоял чуть впереди.

И печатные машинки всё ещё фиксировали происходящее — даже сейчас.

Даже моё молчание.

И почему-то именно это

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.